

Библейско-богословская коллекция

Патрологическая серия

Порфирий (Попов), архим.

**ОБ АВТОРИТЕТЕ
СВЯТЫХ ОТЦОВ
ЦЕРКВИ И ВАЖНОСТИ
ИХ ПИСАНИЙ**

Прибавления к творениям Святых Отцов в
русском переводе, XXII, 1863, с. 2-59

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ОБЪ АВТОРИТЕТЪ СВ. ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ

и

ВАЖНОСТИ ИХЪ ПИСАНІЙ.

Во всѣхъ нашихъ духовныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщаются переводы святоотеческихъ твореній; кроме того во всѣхъ богословскихъ сочиненіяхъ рѣдко обходится дѣло безъ подтвержденія мыслей свидѣтельствами изъ отеческихъ писаній; но при всемъ этомъ въ нашей духовной литературѣ не встрѣчалось досель разсужденія о томъ, какую именно важность и значеніе должно приписывать симъ твореніямъ. Можно бы поэтому подумать, что въ высокоомъ значеніи отеческихъ писаній все убѣждены до очевидности, и что всѣми такъ ясно сознава эта истина, что оказывается ненужнымъ никакое разсужденіе о ней. Но между тѣмъ, когда упрекаютъ богословскія сочиненія въ средневѣковой схоластикѣ, то имѣютъ въ виду, между прочимъ, это именно приведеніе свидѣтельствъ изъ отеческихъ писаній; и въ частныхъ бесѣдахъ только тогда спокойно выслушиваются отеческія свидѣтельства, когда приводятся въ пользу принимаемыхъ мнѣній: но, если ученіе отеческое приводится въ подтвержденіе такихъ мыслей, которыя почему либо не нравятся слушателямъ, то, вмѣсто согласія на предлагаемое уче-

ніе, отвѣтомъ бываетъ напоминаніе, что отцы часто погрѣшали, что имъ вѣрить во всемъ нельзя, и что отъ людей ученыхъ остались сочиненія *de erroribus patrum*. Конечно, есть доля истины въ такомъ образѣ мыслей, но такимъ легкимъ отвѣтомъ, ко вреду истины, можно успокоивать себя и въ тѣхъ случаяхъ, когда голосъ св. отцевъ могъ бы быть лучшимъ рѣшителемъ спора.

Но этому обстоятельное и спокойное изслѣдованіе объ авторитетѣ св. отцевъ никакъ нельзя назвать дѣломъ безполезнымъ и излишнимъ, напротивъ можно сказать, что вопросъ о важности отеческихъ твореній — такой вопросъ, рѣшеніе котораго и занятые насущными, какъ говорятъ, потребностями времени не должны почитать чуждымъ своего вниманія.

Вопросъ о значеніи отеческихъ твореній при размысленіи распадается на слѣдующіе частные вопросы: въ чемъ состоитъ главная заслуга св. отцевъ? когда ихъ ученіе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ истины, и когда нѣтъ? на все ли равно предметы человеческого знанія простирается ихъ авторитетъ, или только на известную область религіознаго ученія? могутъ ли быть постановлены точныя правила для сужденія о сравнительномъ достоинствѣ писаній отеческихъ между собою, и въ отношеніи ихъ къ священному Писанію? когда и какъ образовалась мысль объ отеческомъ авторитетѣ, или, что тоже, какъ взирали на св. отцевъ и ихъ писанія въ первые вѣка христіанства? — Пойдемъ путемъ историческимъ, и прежде всего отвѣтимъ на послѣдній вопросъ.

Христіанская древность представляетъ не мало свидѣтельствъ своего высокаго уваженія къ отеческому ученію. Уже въ самомъ наименованіи «св. отцевъ,»

какимъ отличены древностію нѣкоторые изъ богомудрыхъ учителей и защитниковъ православія, заключается ясное указаніе на то, что вѣрующіе обязаны имъ такимъ послушаніемъ и уваженіемъ, какое добрыя дѣти обыкновенно оказываютъ заботливымъ объ ихъ благѣ родителямъ, или иначе, что всякій сынъ церкви долженъ сообразоваться съ ихъ благочестіемъ. Безъ правои вѣры нельзя благоугодить Богу; следовательно, если кому дано церковною титу «святаго», то этимъ самымъ признана чистота и правда его вѣры. Сообразно съ такимъ значеніемъ наименованія, дѣйствительно, въ древней церкви смотрѣли на св. отцевъ, какъ на такихъ свидѣтелей апостольскаго преданія, у которыхъ съ благоговѣніемъ должно учиться вѣрѣ, и которыхъ писанія могутъ служить подтвержденіемъ истинности ученія церковнаго. Такъ еще св. Иринеи, въ своихъ спорахъ съ еретиками, ссылается на ученіе св. Поликарпа и на всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастье слышать и видѣть сего мужа апостольскаго. Св. Василій Великій въ книгѣ о Св. Духѣ приводитъ много свидѣтельствъ отеческихъ для опроверженія духоборческаго лжеученія. — Св. Кириллъ александрійскій опровергалъ лжеученіе Несторія не только писаніями апостольскими, но и свидѣтельствами отеческими; и блаж. Августинъ еще въ живѣйшихъ выраженіяхъ говоритъ о своемъ уваженіи къ отцамъ церкви. По его словамъ, св. отцы и учителя церкви, согласующіеся между собою въ ученіи вѣры, превосходятъ даже вселенскій соборъ. Основаніемъ къ такому смѣлому, но не чуждому истинѣ, увѣренію блаж. Августинъ указываетъ то, что жившіе до его времени, т. е. до V вѣка, св. отцы разделены между собою болѣе чѣмъ

промежуткомъ не только мѣста, но и времени, и потому ихъ согласіе подобно объяснять только изъ единства принятыхъ ими преданій, а отнюдь не изъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Прендобный Максимъ исповѣдникъ писалъ даже толкованія на отеческія творенія, именно на Діонисія Аренагита и Григорія Богослова. Св. Софроній іерусалимскій собралъ до 600 отеческихъ мѣсть противъ моноелитовъ, а богословіе св. Іоанна Дамаскина все составлено изъ отеческихъ свидѣтельствъ; онъ почти вовсе отказывается говорить собственными своими словами, а всего больше и чаще, въ объясненіе и подтвержденіе догматовъ вѣры, приводитъ слова того или другаго отца. Даже когда нужно было доказывать бытіе Божіе, догматъ, который по преимуществу допускаетъ соображенія разума, и раскрытіе котораго ни для кого не могло казаться затруднительнымъ, даже въ семь случаевъ св. Іоаннъ Дамаскинъ пользуется чужими словами и говоритъ слѣдующее: «мы, неолучивъ ни дара чудесъ, ни дара учительства, такъ какъ сообразились недостойными сего, но пристрастно въ удовольствіяхъ, скажемъ нечто о семь предметъ изъ преподашаго отъ учителей просвѣщенныхъ благодатию.»

Такія указанія церковныхъ учителей первыхъ семи вѣковъ на отеческое ученіе даютъ полное право предполагать въ нихъ твердое убѣжденіе въ томъ, что на св. отцевъ церкви, оставившихъ по себѣ писанія, можно несомнѣнно полагаться, какъ на надежнѣйшихъ руководителей въ дѣлѣ религіознаго знанія (а).

(а) Могутъ при этомъ возразить только то, что отцы церкви позднѣйшихъ вѣковъ, для подтвержденія истинности своихъ

Но всего важнее для насъ то, что сами вселенскіе соборы, когда нужно было составлять вѣроопредѣленія, послѣ священнаго Писанія, всегда обращались къ отеческому ученію, дѣлали болѣе или менѣе обширныя выписки изъ отеческихъ писаній и въ основаніе своихъ вѣроопредѣленій всегда поставляли отеческое преданіе. Знакомые съ дѣяніями соборовъ знаютъ, что выраженія: «послѣдующе божественнымъ отцемъ вси единогласно поучаемъ», или: «по ученію св. отцевъ», или: «послѣдующе богоглаголювому ученію св. отцевъ,» — эти выраженія одни изъ самыхъ обычныхъ и употребительныхъ выраженій какъ на помѣстныхъ, такъ и на вселенскихъ соборахъ. Но древняя церковь св. отцевъ называла хранителями и свидѣтелями апостольскаго преданія только въ томъ случаѣ, когда они согласно и единодушно выдавали извѣстное ученіе за апостольское преданіе, а отнюдь не тогда, какъ вы-

слова, приводили свидѣтельства и не изъ канонизованныхъ писателей, даже изъ сочиненій еретическихъ, когда находили въ нихъ здравое ученіе о некоторыхъ предметахъ вѣры. Такъ блж. Августинъ истину распространенія прародительскаго грѣха доказываетъ между прочимъ тѣмъ, что и все еретики, предшествовавшіе Педагію, признавали поврежденіе рода человеческого грѣхомъ Адама. Но это вовсе не значитъ, что свидѣтельствамъ отцевъ и еретиковъ приписывали одинаковую важность историческаго свидѣтельства. На слова еретиковъ дѣйствительно смотрѣли иногда какъ на историческое свидѣтельство о томъ, что въ извѣстное время церковь держалась того или другаго ученія, но довѣрія къ отеческому ученію всегда требовали по уваженію къ святости прославленныхъ отцевъ церкви и къ прензобидующей въ нихъ благодати, какъ это ясно видно изъ вышеприведенныхъ словъ св. Іоанна Дамаскина.

сказывали свои личные мнѣнія. Всего яснѣе выражено это ограниченіе въ словахъ Винкентія Деринскаго (Увѣка), который цѣлое сочиненіе посвящать рѣшенію вопроса: какъ должно пользоваться отеческими свидетельствами въ дѣлѣ вѣры? Вотъ его слова: «что пріемлѣнъ весь или многіе отцы единодушно, открыто и постоянно, какъ бы по какому предварительному соглашенію, то должно считать вполне вѣрнымъ и несомнѣннымъ». Этимъ правиломъ руководилась церковь во все время, при встрѣчѣ не во всемъ согласныхъ между собою отеческихъ мнѣній, напр. при спорахъ о крещеніи еретиковъ, или о тысяцелѣтнемъ царствѣ Христовомъ. Нельзя умолчать и о томъ, что и еретики съ уваженіемъ смотрѣли на отеческія творенія; поэтому со всемъ успѣхомъ изыскивали и не толковывали въ свою пользу болѣе или менѣе темныя мѣста отеческія, надѣясь подорвать чрезъ то свои мнѣнія и усилить довѣріе къ себѣ.

Такъ въ теченіе пятнадцати вѣковъ и восточная и западная церковь равно признавала высокую важность св. отцевъ въ дѣлѣ объясненія и подтвержденія истины христіанской религіи. Только Лютеръ съ дерзостию возсталъ противъ ихъ авторитета и дозволилъ себѣ насмѣшливые отзывы объ ихъ писаніяхъ; только изъ его устъ церковь западная услышала, что Іеронимъ — растлитель всего Евангелія, Златоустъ — *garrulus, homo superbus, ambitiosus*, а Василій Великій — писатель ничтожный, потому что его творенія чрезмерно пахнутъ монашествомъ (*nimum redolere monachatum*); впрочемъ этотъ же преобразователь совѣтовалъ одному изъ своихъ послѣдователей читать сочиненія Августина, Бернарда и св. Амвросія для познанія древно-

ети (ad cognitionem antiquitatis). Клерикъ, Даллей, Вальхъ, Розенмоллеръ, вельдъ за Лютеромъ, не опускали случая изощрять свое остроуміе надъ отеческими писаніями. Но православная церковь, вѣрная учению св. вселенскихъ соборовъ, и теперь не престасть, съ древними церковными писаніями, именовать св. отцевъ «звѣздами многосвѣтными, церковными кормилами, непоколебимыми столпами, органами благодати и гуслями Духа.» Нельзя думать, что—это преувеличенныя выраженія писаніицевъ и что они не выражаютъ точной и определенной мысли объ авторитетѣ отеческомъ. Церковь не станетъ оглашать слухъ своихъ духовныхъ чадъ такими похвальными писаніицами, которыя могутъ вести къ неправымъ догматическимъ вѣрованіямъ. И для живыхъ еще обитателей нашей планеты неумѣренныя похвалы кажутся приторными и непріятными; тѣмъ болѣе нѣтъ основанія думать, чтобы церковь дозволила восхвалять св. отцевъ такими именами, которыя превышаютъ ихъ достоинство. Итакъ, все подобныя выраженія должны быть принимаемы въ надлежащемъ ихъ знаменованіи. Можно было бы опасаться неточности такихъ похвалъ, если бы въ нихъ приписывалась непогрѣшимость св. отцамъ; но этой мысли недопускается слми названіями. Вотъ простѣйшее объясненіе болѣе употребительнаго напр. именованія ихъ «звѣздами многосвѣтными.» Болѣе видимое для насъ, благотворное вліяніе звѣздъ на нашу планету состоитъ въ томъ, что онѣ озаряютъ ее во время ночи своимъ свѣтомъ. И свѣтъ отеческихъ вѣроучительныхъ сощисій озаряетъ блескомъ своимъ тогда, когда на горизонтъ церковномъ появляются тучи еретическихъ заблужденій, когда на-

стаетъ темная година господства и усиленія еретиковъ, когда начинаеть меркнуть свѣтъ апостольскаго ученія, когда писаніямъ Апостоловъ суемудрые христіане даютъ произвольный смыслъ. Самый же образъ для выраженія этой истины очевидно взятъ изъ посланій Апостола Павла. Известно, что онъ называлъ филиппійскихъ христіанъ *свѣтилами въ міръ посредъ рода строптива и разбращенна* (2, 15).

Къ этому же заключенію о руководственномъ значеніи св. отцевъ и ихъ твореній мы необходимо должны будемъ придти и въ томъ случаѣ, если приведемъ себѣ на память духовное просвѣщеніе св. отцевъ и близость ихъ къ св. Апостоламъ по времени и по духу, — и рассмотримъ тѣ личныя ихъ свойства, которыя ручаются за преимущественную способность и за желаніе ихъ сохранить евангельское ученіе во всей его чистотѣ и неповрежденности.

По ученію церкви, священное преданіе есть источникъ христіанскаго вѣроученія равночестный священному Писанію. Дѣйствительно, Спаситель, посылая Апостоловъ на проповѣдь, зановѣдалъ имъ возвыщать Евангеліе, но не возложилъ на нихъ обязанности написать такую полную богословскую систему, которую бы не пужно было ни объяснять, ни дополнять никому изъ ихъ преемниковъ. Посему нельзя сказать, чтобы въ писаніяхъ апостольскихъ были прямыя, ясныя и полныя отвѣты совершенно на все вопросы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу нашего спасенія. Отсюда слѣдуетъ, что въ дѣлѣ религіи необходимо руководство преданія; и при пособіи Писанія не возможно создать догматовъ вѣры на одномъ основаніи собственныхъ разсужденій и соображеній безъ свидѣ-

тельства апостольскаго преданія. А если такъ, то никто не могъ быть болѣе способенъ и ревностенъ въ охраненіи чистоты апостольскаго преданія, какъ св. отцы.

Вѣрному сохраненію и сообщенію другимъ по преданію, принятаго отъ Апостоловъ ученія, много могла содѣйствовать и одна близость св. отцевъ къ Апостоламъ по времени жизни. Мужи апостольскіе были учениками и сотрудниками св. Апостоловъ. А отцы втораго вѣка были учениками мужей апостольскихъ. Кому же послѣ сего лучше знать тайны вѣры съ постижимой ихъ стороны, какъ не симъ отцамъ, ближайшимъ преемникамъ Апостоловъ? Здѣсь невольно приходятъ на память слова св. Иринея: «Апостолы, если имѣли нѣкія сокровенныя тайны, то особенно преподавали сіи тайны тѣмъ, кому ввѣряли самыя первыя; ибо будущихъ своихъ преемниковъ желали сдѣлать совершенными и во всемъ неукоризненными.» За тѣмъ и отцы всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, по самому преемству апостольскаго служенія, величайшую свою славу и честь поставляли не въ изобрѣтеніи своеобразныхъ воззрѣній на ученіе вѣры и преданія, но въ точномъ сохраненіи всѣхъ тѣхъ постановленій и преданій, которыя сообщены имъ были ближайшими преемниками Апостоловъ, въ объясненіи Христова ученія изъ тѣхъ основаній и началъ, какія заключены въ писанномъ словѣ Божіемъ. При этомъ они не позволяли себѣ, безъ нужды и по произволу, дѣлать измѣненія и въ тѣхъ учрежденіяхъ церковныхъ, которыя преданы древними уважаемыми частями церкви въ примѣръ и практикъ церковной. «Кто отступаетъ отъ единодушнаго согласія отцевъ, говоритъ блаженный Авгу-

стигъ, тотъ отстываетъ отъ всей церкви.» «Всѣ, имѣющіе здравый смыслъ, писавъ еще св. Кирилль александрійскій, стараются слѣдовать ученію св. отцевъ.»

Для вѣрности сохраненія и сообщенія другимъ преданнаго Апостолами ученія, цужно и образованіе; безъ него можно не понять или по крайней мѣрѣ не точно передать другимъ. Но большая часть св. отцевъ церкви, при знатности своего происхожденія, обладали всеми возможными въ ихъ время средствами къ полному образованію, и дѣйствительно имѣли такія обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, что изумляли современниковъ. Св. Климентъ римскій, св. Ипполитъ портуанскій, св. Григорій Двоесловъ, св. Павлинь поланскій, прежде призванія къ служенію церковному, были сенаторами; а этого званія никто не могъ достигнуть безъ образованія. Св. Іустинъ Философъ не безъ причины, какъ извѣстно, почтенъ именемъ философа. Григорій чудотворецъ имѣлъ такого учителя, обширности свѣдѣній котораго равно удивлялись ученые во все времяа. Василій Великій, Григорій Богословъ, Златоустый, блаженный Августинъ и блаженный Іеронимъ получили образованіе въ лучшихъ училищахъ своего времени и съ равною основательностію изучали все преподаваемыя въ ихъ время науки, такъ что заслужили высокія похвалы и отъ такихъ наставниковъ, для которыхъ не безопасно было хвалить ихъ по самому различію религіозныхъ вѣрованій. Для Ливанія, конечно, не было никакой выгоды льстить Василю Великому, между тѣмъ онъ не усомнился сказать о Василю: «это Гомеръ, это Платонъ, это Аристотель, который все знаетъ.» Неизвѣстно, гдѣ учился св. Амвросій; но одна борьба его съ главнымъ языческимъ

ораторомъ, Симмахомъ, показываетъ, что онъ далеко превосходилъ своимъ образованіемъ многихъ ученыхъ современниковъ. И ко многимъ другимъ отцамъ, какъ нельзя болѣе, идутъ слова блаженнаго Іеронима: «не знаешь, чему болѣе дивиться въ нихъ, глубокому ли постиженію слова Божія, или свѣтской учености.»

Научное образованіе въ св. отцахъ должно имѣть тѣмъ большую цѣну, что оно восполняемо было въ нихъ еще святостію жизни. Это такое пособіе въ дѣль религіознаго знанія, которое часто замѣняетъ самыхъ лучшихъ талантливыхъ наставниковъ, и надбѣляетъ съ избыткомъ такимъ свѣдѣніямъ, которыхъ вовсе нельзя сыскать даже въ пресловутыхъ училищахъ современной мудрости. Не напрасно сказано: *въ злохудожную душу не увидеть премудрость* (Прем. Сол. 1, 1.), и: *чистіи сердцемъ Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8.). Не напрасно увѣряютъ, что усердною молитвою испрашиваютъ всѣ дары благодати. Правда, что святость жизни не можетъ быть ручательствомъ за непогрѣшность; но тотъ скорѣе можетъ ошибиться и впасть въ заблужденіе, кто равнодушенъ къ истинѣ и съ познавнкою истиною не сообразуетъ своей жизни, чѣмъ тотъ, кто поучается въ законъ Господнемъ день и ночь, для кого богомысліе составляетъ отраднѣйшее наслажденіе и постоянное занятіе въ жизни, кто по-сему предпочитаетъ удивенныя размышленія о Богѣ всѣмъ суетностямъ разсыпанной жизни, и кто наконецъ за познающую истину готовъ терпѣть жесточайшія мученія. Неоспоримо и то, что тайны духовной жизни, сладость сокровеннаго о Христѣ подвижничества, всего лучше можетъ изобразить тотъ, кто узналъ это собственнымъ опытомъ. И мудрые совѣты для борьбы

со врагомъ спасенія, или съ грѣховными помыслами, конечно, уснѣшнѣе и надежнѣе могутъ преподать тѣ, которые много лѣтъ провели въ подвигахъ спасенія, чѣмъ тѣ, которые разсуждаютъ о семъ только по теоріи, и которые вовсе чужды заботливости объ искорененіи въ себѣ порочныхъ помысловъ и суетныхъ желаній. И умилительныхъ церковныхъ пѣснопѣній или молитвъ на извѣстный праздникъ конечно скорѣе можно ожидать отъ тѣхъ пѣснотворцевъ, для которыхъ богослуженіе составляетъ высшее наслажденіе, которые, съ благоговѣніемъ и много, размышляя о воспоминаемыхъ церковно событіяхъ,—чѣмъ отъ тѣхъ писателей, которые ходятъ къ богослуженію болѣе по вѣншиимъ побужденіямъ. Такъ, во всѣхъ снхъ отношеніяхъ, даже неслучившіе школьнаго образованія св. отцы и учителя церкви должны быть благонадежнѣе и способнѣе всѣхъ даровитыхъ обыкновенныхъ писателей. И слѣдовательно благочестіе св. отцевъ и ревность ихъ во вѣрѣ ручается не только за желаніе, но и за преимущественную способность сохранять въ чистотѣ апостольское ученіе.

Но между качествами, украшавшими св. отцевъ церкви, есть еще другое, болѣе сильное ручательство за способность вѣрно понять и передать богооткровенное ученіе: это сверхъестественныя благодатныя дарованія св. отцевъ. Многіе изъ нихъ обладали даромъ прозорливости и предвѣдннй будущаго и сіюю чудотвореній; тѣмъ менѣе возможно, чтобы они лишены были *духа премудрости и разума*, какъ такого дара, который всего болѣе необходимъ былъ для зашщненія вѣры противъ дерзости, безстыдства и хушнреній враговъ церкви. Сильнѣйшее подтвержде-

ие снмъ словамъ можно находить въ извѣстныхъ
 всѣмъ свидѣтельствахъ древности о томъ, что нѣко-
 торые изъ отцевъ были удостоены особыхъ благодат-
 ныхъ вразумленій и наставленій. Такъ св. Григорій
 чудотворецъ отъ самихъ апостоловъ въ сошномъ видѣ-
 ній удостоился получить символъ вѣры, какъ надеж-
 нѣйшее пособіе для отличенія истиннаго апостольскаго
 ученія отъ распространившихся въ это время лже-
 ученій еретическихъ. Есть свидѣтельство очевидна,
 и слѣдовательно первостепеннаго свидѣтеля, и о томъ,
 что преп. Антоній, въ случаѣ недоумѣній о какомъ
 нибудь мѣстѣ Писанія, обращался съ молитвой къ
 Богу и получалъ чудесное разрѣшеніе своихъ недо-
 умѣній. Такъ, напр. когда братія его просили объ-
 яснить для нихъ какія-то слова изъ книги Левитъ,
 Антоній, по свидѣтельству Аммона, отошелъ на да-
 лекое отъ нихъ разстояніе, и ставъ на молитву, воз-
 звалъ громкимъ голосомъ: Боже! пошли Моисея, и
 онъ объяснитъ мнѣ слова сии. Отвѣтомъ на это былъ
 голосъ, вразумившій его. Недаромъ, конечно, и св.
 Ефрему Сирину усвоено было современниками названіе
 «пророка сирскаго.» Объ немъ было видѣніе одному
 старцу, что Ангель, блистающій небеснымъ свѣтомъ,
 однажды вложилъ въ уста его таинственную книгу,
 сказавъ притомъ, что никто изъ извѣстныхъ старцу
 сирскихъ подвижниковъ небылъ достоинъ принять сей
 даръ, какъ св. Ефремъ. Извѣстно еще сказаніе св.
 Прокла о видѣніи Апостола Павла при Златоустѣ, во
 время составленія имъ толкованій на Павловы посланія.
 Неоспоримо также и то, что діаконь Петръ, другъ и
 сослужитель св. Григорія Двоеслова, видѣлъ голубя,
 какъ бы внушающаго что-то св. Григорію въ то время,

какъ сей святитель изъяснялъ съ церковной кафедры пророка Іезекііля. Нельзя отвергнуть достовѣрности передашаго діакономъ Павлиномъ, жизнеописателемъ Амвросія, повѣствованія о томъ, что онъ видѣлъ огонь, исходящій изъ устъ св. Амвросія Медиоланскаго при объясненіи 43 псалма. Такія видѣнія должны, конечно, имѣть соответственный имъ таинственный смыслъ. Все это показываетъ, что церковные писотворцы въ церковныхъ канонахъ не безъ основанія именовали св. отцевъ «богоглаголивыми, богомудрыми, гуслими Св. Духа и даже богодухновенными». Такія наименованія усвоены были отцамъ церкви, какъ сказано было, и на вселенскихъ соборахъ. Отцы церкви, силою своею живаго и письменнаго слова, обратили ко Христу многія тысячи дунгъ, а сего не могло бы быть, если бы благодать Св. Духа не была присуща ихъ словамъ. Но при этомъ никто не будетъ смѣшивать ихъ писаній съ богодухновенными писаніями св. Пророковъ и Апостоловъ. Богодухновенность имѣетъ своего рода степени. Св. Поликарпъ, самъ ученикъ апостольскій, писалъ о себѣ и другихъ: «ни я, ни другой подобный мнѣ не можемъ достигнуть премудрости блаженнаго и славнаго Павла.»—Озаренія Духа Божія особенно просвѣщали св. отцевъ, по требованію нужды, при борьбѣ со врагами спасительной вѣры. Итакъ, не усвоив отцамъ церкви непогрѣшимости, тѣмъ не менѣе съ увѣренностію можно сказать, что они, какъ богопросвѣщенные учителя вѣры и благочестія, обладали даромъ лучше другихъ разумѣть духъ евангельскаго ученія.

Если разсмотрѣть частіе содержаніе всѣхъ вообще отеческихъ писаній, то усвояемая имъ святою церковію

важность окажется еще несомнительнее и яснее. Такое отдельное рассмотрение необходимо и для основательнейшаго рѣшенія вопроса о томъ, все ли отеческія писанія имѣютъ одинакую важность. Обозримъ для сего въ общихъ чертахъ отдельно догматическія, истолковательныя, нравственныя, историческія, каноническія и богослужебныя или литургическія отеческія творенія. Начнемъ съ первыхъ.

Исполняя преемственно принятое отъ Апостоловъ служеніе церкви Христовой, св. отцы раскрыли въ своихъ писаніяхъ евангельское ученіе со всѣхъ тѣхъ сторонъ, которыя въ ихъ время подвергались какимъ либо пререканіямъ. Въ составъ христіанскаго вѣроученія вошли и такія истины, которыя превышаютъ человѣческій разумъ, и которыя между тѣмъ они пытались объять самъ собою, не соображаясь въ семь даже съ положительнымъ откровеннымъ ученіемъ. Посему недоразумѣніямъ и пререканіямъ во все времена всего болѣе подвергалась догматическая часть христіанскаго ученія. Для отраженія такихъ сомнѣній и возраженій прежде всего нужно пособіе преданія; необходимо было доказать, что церковное вѣроученіе есть именно то ученіе, какое предано было Апостолами, что оно понято въ истинномъ смыслѣ, согласно съ ихъ богодуховеннымъ писаніемъ. Кроме сего достоверно извѣстно и то, что не все догматы вполне раскрыты и опредѣлены въ словѣ Божіемъ. Такъ въ св. Писаніи неопредѣлено число спасительныхъ таинствъ. Даже и ясно изложенныя въ Писаніи истины, какъ напр. ученіе о Божествѣ Іисуса Христа и Св. Духа, о прародительскомъ грѣхѣ, нашли не мало возражателей и многогубчивыхъ пререкателей. Въ этомъ-то отношеніи дог-

матическія писанія св. отцевъ и составляютъ для чадь церкви особенно драгоценное сокровище, такъ какъ они уясняютъ и восполняютъ ученіе Писанія и прямѣ говорятъ о томъ, на что въ библии есть только краткіе намеки. Всѣ догматы, о которыхъ только были споры въ первые восемь вѣковъ, въ писаніяхъ отеческихъ такъ полно раскрыты съ положительной ихъ стороны, что никакая позднѣйшая догматика не можетъ ничего сказать болѣе твердаго и основательнаго сравнительно съ отеческимъ ученіемъ. Такъ въ писаніяхъ отцевъ первыхъ трехъ вѣковъ, противъ язычниковъ и гностиковъ, определено и ограждено отъ всѣхъ упрековъ ученіе объ источникахъ христіанскаго вѣроученія, т. е. св. Писаніи и согласномъ съ нимъ св. преданіи, а также объяснена и защищена противъ дуалистовъ и эманатиковъ истина творенія міра изъ ничего, единымъ всемогущимъ словомъ Божиимъ, а отнюдь не въ видѣ какихъ-то истеченій изъ существа Божія, фантастическихъ эоновъ. Здѣсь же непреложно доказано, что виновникъ ветхаго завета есть тотъ же единый истинный Богъ, Которымъ данъ и новый заветъ, а не злой Деміургъ, какъ думали сирійскіе и египетскіе гностики. Подробнѣйшее же и основательнѣйшее раскрытіе христіанскихъ догматовъ принадлежитъ наиболѣе отцамъ IV и послѣдующихъ вѣковъ. Такъ догматъ о Божествѣ Иисуса Христа и о Св. Духѣ вполне раскрытъ св. Аѳанасіемъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Григоріемъ Нисскимъ; догматъ о единствѣ ипостаси въ Иисусѣ Христѣ можно изучить вполне и подробно по твореніямъ св. Кирилла александрійскаго; догматъ о двухъ естествахъ Иисуса Христа объясненъ въ писаніяхъ св. Льва, папы рим-

скаго и блаженнаго Θεодорита; догматъ о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ зашщитенъ противъ всѣхъ возраженій св. Софроніемъ іерусалимскимъ и св. Максимомъ исповѣдникомъ, и наконецъ раскрытіе ученія о почитаніи св. иконъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ въ писаніяхъ св. Іоанна Дамаскина, Германа и Никифора, патріарховъ константинопольскихъ, и Θεодора Студита. Отступленіе отъ этой вѣры есть отпаденіе отъ православія. Отказаться отъ отеческаго вѣроученія, одобреннаго и вселенскими соборами, значитъ полагаться на свой, никогда не успокоивающій и часто заблуждающій, разумъ. — Кромъ сего, при изученіи догматико-полемическихъ писаній отеческихъ открывається, что позднѣйшія лжеученія обыкновенно заключаютъ въ себѣ, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, повтореніе прежнихъ заблужденій, уже опровергнутыхъ въ писаніяхъ отцевъ церкви. Напр. въ отношеніи къ Гегелеву пониманію библейскаго ученія о св. Троицѣ много сходнаго можно находить въ среніяхъ Савеллія и большей части гностиковъ, давно уже отвергнутыхъ св. отцами. Посему догматическія творенія отеческія заключаютъ въ себѣ важнѣйшее и необходимое пособіе къ опроверженію и тѣхъ лжеученій, какихъ можно ожидать на будущее время. Но не такъ судятъ объ этомъ протестантскіе писатели. Посему теперь же дадимъ отвѣтъ на ихъ замѣчанія о догматическихъ отеческихъ твореніяхъ.

Какъ на великій недостатокъ догматическихъ писаній отцевъ, нѣкоторые изъ протестантовъ указываютъ на утонченность и изысканность схоластическихъ доказательствъ и опроверженій. Но это было необходимое защитительное оружіе въ борьбѣ съ еретиками. Ере-

тики первыхъ вѣковъ много полагались на усилившуюся въ ихъ время діалектику Аристотеля, и очень часто доказывали свои мысли самыми страшными и ухищренными софизмами. Посему, для разоблаченія этихъ софизмовъ, и опровергающимъ необходимо было прибѣгать къ сухой схоластической формѣ доказательства и позволять себѣ раздѣленіе спорныхъ предметовъ на частнѣйшія понятія и вопросы. Чтобы видѣть, до какой степени вѣрно это замѣчаніе, приведемъ для примѣра одно изъ самыхъ обычныхъ аріанскихъ раздѣлительныхъ умозаключеній: «восхотѣвъ ли, Богъ Отецъ родилъ Сына, или не хотѣ? Если не хотѣ, то по принужденію. Ктоже принудилъ, и какъ принужденный — Богъ? А если родилъ по хотѣнію, то Сынъ есть Сынъ хотѣнія. Какъ же Онъ отъ Отца» (6)? Для опроверженія подобныхъ возраженій, къ чему нужно было обращаться защитникамъ истины, какъ не къ подобнымъ же дилеммамъ? Такимъ образомъ, сколько ни суха и обильна краткими и отвлеченными умозаключеніями напр. четвертая книга Василія Великаго противъ Евномія, но она, конечно, была надежнымъ и великимъ пособіемъ для православныхъ въ борьбѣ съ евноміанами, которые, по свидѣтельству Созомена, особенно отличались софистическими словопреніями. Не боязненно, впрочемъ, можно прибавить къ этому замѣчанію такое ограниченіе: церковь, одобряя всѣ вообще полемико-догматическія отеческія писанія, прежде всего имѣетъ въ виду общій духъ и общія начала, на коихъ извѣстный св. отецъ основываетъ образъ своихъ мыслей. Такимъ образомъ, если у кого изъ отцевъ

(6) Св. Григорій Богослова о богословіи сл. 3, въ русскомъ переводѣ ч. III стр. 57.

встрѣтятся доказательства не совсѣмъ твердыя, или не довольно ясно и осторожно выраженные, и имѣющія значеніе только временное въ отношеніи къ извѣстнымъ лицамъ (*ad hominem*): то никто не обязывается выдавать эти доказательства за несомнѣнно твердыя и рѣшительныя. Когда есть достаточныя основанія признать слабую сторону сихъ доказательствъ или нетвердость рѣшаемыхъ возраженій, не будемъ къ нимъ прибѣгать, но никакъ не должны ихъ ставить въ вину св. отцу и изъ за нихъ умалять къ нему свое уваженіе.

Обвиняютъ еще св. отцевъ въ томъ, будто они, увлекаясь борьбою съ еретиками, были слишкомъ строги къ нимъ и не видѣли въ нихъ никакихъ добрыхъ качествъ, ничего, кроме сумасбродства и нечестія. Но опроверженіе этого обвиненія можно находить почти въ каждомъ полемическомъ отеческомъ сочиненіи. Заблужденія Тертуліана не препятствовали св. Клиріану дивиться уму столь знаменитаго апологета, и послѣ того, какъ впалъ онъ въ ересь Монтана; и послѣ сего св. епископъ карфагенскій пользовался православными его сочиненіями и называлъ его своимъ учителемъ. Св. Епифаній, при опроверженіи аполинаристовъ, съ похвалою говоритъ объ умственныхъ качествахъ Аполинарія. Св. Василій Великій Евстазія севастійскаго, не смотря на его уклоненіе на сторону полуаріанъ и духовборцевъ, называетъ строгимъ подвижникомъ и монахомъ; а блаженный Августинъ, вступая въ борьбу съ Пелагіемъ, называетъ его даже святымъ за его прежнія подвижническія добродѣтели. Правда, что св. отцы никакой ереси не производятъ изъ простаго недоразумѣнія, а всегда изъ упорства, или другихъ нечистыхъ побужденій; но даже учителя тогда только нельзя было

бы упрекать въ упорствѣ, если бы они не отдѣлялись отъ церкви и не защищали своихъ частныхъ мнѣній, послѣ того какъ ясно раскрыта несправедливость ихъ ученія. Чтоже касается до другихъ нечестыхъ побужденій, то, въ подтвержденіе сего, отцы церкви указывали на несомнѣнные факты, какъ напр. это видно изъ писемъ св. Кириана и папы Корнелія о Новатѣ и Новаціанѣ.

Говорятъ еще, что у св. отцевъ нѣтъ строгаго и точнаго различенія между ересью и расколомъ, и что они всякое отступленіе отъ общаго образа мыслей, даже о такихъ предметахъ, которые относятся не къ вѣрѣ, а къ благочинію церковному или историческому ученію, всякое такое отступленіе называютъ именемъ ереси. Но несомнѣнно, и въ древней церкви было строгое отличеніе существенныхъ предметовъ вѣры отъ предметовъ, познаніе которыхъ и разногласіе о которыхъ не имѣло прямаго отношенія къ дѣлу религіи. Яснѣйшее доказательство этого представляютъ древніе символы, сохранившіеся въ писаніяхъ св. отцевъ, и у церковныхъ историковъ Сократа и Созомена, и первое каноническое посланіе Василія В. къ Амфилохію. Приведемъ слова объ этомъ и изъ сочиненій блаженнаго Августина противъ иезеліанъ.» Вопросы несущественныя въ ученіи христіанскомъ, — говорятъ они, — такого свойства, что знать или не знать ихъ, вѣрно или не вѣрно рѣшать ихъ, все равно для чистоты вѣры и для спасенія христіанина. Таковы напр. вопросы: гдѣ и каковъ былъ рай, въ которомъ Богъ поселилъ чело-вѣка созданнаго изъ персти? Въ этомъ случаѣ довольно быть увѣрену только въ томъ, что рай былъ. Гдѣ теперь Илія или Энохъ? (Гдѣ бы они ни были, вѣрно знаемъ, что они пребываютъ въ тѣлахъ, съ которыми

родились.) Сколько небесъ? Сколько стихій видимаго міра, четыре или больше? Отъ чего происходятъ солнечныя или лунныя затмѣнія, и проч.? Кто не видитъ, продолжаетъ Августинъ, что въ различныхъ вопросахъ такого рода, которые относятся къ прикровеннымъ дѣламъ Божиимъ или къ некоторымъ глубинамъ Писанія, труднымъ для нашего пониманія, многое можно и не знать безъ всякаго вреда для вѣры, во многомъ можно и ошибаться безъ всякой виновности въ ересь (в). Такъ говоритъ Августинъ. Протестантскій урекнѣ имѣеть силу только въ отношеніи къ Филастрію, епископу Брестіи, жившему въ IV вѣкѣ. Филастріи въ свое время насчитывалъ до 160 ересей, но между ними полагалъ и несправедливыя историческія мнѣнія, напр.: о писателѣ книги псалмовъ, о числѣ ветхозавѣтныхъ переводовъ, и т. под. Но этотъ церковный писатель восточною церковію не причисляется къ лику отцевъ церкви; такой почетъ дѣлаютъ ему только на западѣ; притомъ и изъ западныхъ отцевъ въ IV вѣкѣ осуждалъ его за это блаженный Августинъ, какъ отчасти можно видѣть изъ вышеприведенныхъ его словъ. Можетъ, по видимому, ослаблять силу этихъ замѣчаній Августиновыхъ и богословіе Іоанна Дамаскина, который въ свое «точное изложеніе вѣры» внесъ много частныхъ астрономическихъ, физическихъ, географическихъ и психологическихъ свѣдѣній. Но соединяя эти свѣдѣнія съ догматическими истинами, св. Дамаскинъ хотѣлъ научить только своихъ читателей смотрѣть на видимую природу, какъ на выраженіе высокой премудрости и благости Творца, а отнюдь нигдѣ не говорить, что излагаемыя имъ свѣдѣнія о зодіакахъ, за-

(в) De res. orig. cap. 27. 28.

тѣмнѣяхъ, моряхъ и т. под. суть необходимыя предметы вѣры. Въ богословіе свое онъ внесъ также обширныя психологическія разсужденія о чувствахъ, страстяхъ и дѣйствіяхъ; но подробное изслѣдованіе объ этомъ, въ связи съ догматическими истинами, было необходимо для опроверженія усилившейся около того времени ереси моноелитовъ и для защищенія догмата о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ Іисусѣ Христѣ.

Протестантамъ всего болѣе не нравится то, что въ догматическихъ отеческихъ твореніяхъ защищается ученіе о почитаніи святыхъ угодниковъ Божіихъ, ихъ иконъ и св. мощей. Но это, какъ извѣстно, вовсе не составляетъ недостатка въ догматическихъ твореніяхъ. Итакъ всѣ упреки противъ догматическихъ отеческихъ твореній слишкомъ нетверды и поверхностны, и намъ остается въ заключеніе сказать, что безъ внимательнаго чтенія и изученія отеческихъ твореній не возможно основательное и отчетливое знаніе православнаго вѣроученія, и что на эту область вѣдѣнія по преимуществу простирается авторитетъ отцевъ, такъ какъ здѣсь болѣе необходимо пособіе преданія.

Защищая догматы вѣры, св. отцы вмѣстѣ съ сѣмъ объясняли и мѣста св. Писанія, въ коихъ изложено ученіе вѣры. Уже изъ этого видна важность истолковательныхъ ихъ твореній.—Какое лучшее ручательство за то, что книги св. Писанія дошли до насъ въ цѣломъ и неповрежденномъ видѣ? Безъ сомнѣнія,—отеческія истолковательныя творенія, въ которыхъ, за исключеніемъ не многихъ разночтеній, читается тотъ же текстъ, какой всѣми принятъ въ наше время. Вѣрное и предпочтительное чтеніе въ мѣстахъ Писанія, поврежденныхъ намѣренно или не намѣренно перепищи-

ками, можно всего лучше узнать изъ экзегетическихъ отеческихъ твореній. Одно, хотя бы и великое, множество древнихъ списковъ Библии, безъ увѣренности, что они принадлежали уважасмымъ пастырямъ церкви, не можетъ разрѣшить, всѣхъ, по сему предмету, недоумѣній. И при самомъ толкованіи Писанія всякій сынъ церкви обязанъ сообразоваться съ отцами церкви во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они одинаково объясняютъ то или другое мѣсто. У св. отцевъ церкви можно находить толкованія на всѣ книги священнаго писанія. Но соборъ трульскій 19 прав. постановилъ: «аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не инако да изъясняютъ оное предстоители церкви, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнія въ семъ, не уклониться отъ подобающаго. Чрезъ ученіе вышереченныхъ отцевъ,—продолжасть правило собора,—люди, получая познаніе о добромъ и достойномъ избраніи, и о неполезномъ и достойномъ отвращеніи, исправляютъ жизнь свою на лучшее, побуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и содѣлываютъ свое спасеніе.» Изъ сихъ словъ соборнаго правила видно, что вселенскій соборъ отеческимъ толкованіемъ св. Писанія приписываетъ преимущественную степень назидательности. Напрасно протестантскіе писатели (напр. Вальхъ, Розенмюллеръ и мн. др.) думаютъ омрачить славу отцевъ, какъ толкователей, указаніемъ на ихъ склонность къ мистическимъ и аллегорическимъ объясненіямъ, занятымъ будто бы изъ школъ раввинскихъ, или началъ неоплатонической философіи, послѣдователи коей, около II и III вѣка, особенно за-

нимались объясненіемъ языческихъ мифовъ въ таинственномъ смыслѣ. Святые отцы, ища прообразовъ въ ветхозавѣтномъ Писаніи, подражали вовсе не раввинамъ и не философамъ языческимъ, а Апостолу Павлу и самому Іисусу Христу, которые ветхозавѣтнымъ лицамъ и событіямъ ясно давали прообразовательное значеніе. Посему иносказательныя отеческія объясненія отличаются глубокимъ проникновеніемъ въ духъ Писанія. Жалобы на крайность мистицизма имѣли бы нѣкоторое основаніе, когда бы къ лику отцевъ причислялся Оригенъ; но онъ еще древностию исключенъ изъ лика св. отцевъ. Сами отцы многократно осуждали его за частыя и изысканныя иносказательныя объясненія; по этому недостатокъ сего церковнаго учителя нельзя ставить въ вину св. отцамъ. Притомъ, еще ранѣе Оригена, св. Иринеи порицалъ гностиковъ за произвольное таинственное объясненіе Писанія. Слѣдуетъ только обратить вниманіе на методъ иносказательнаго толкованія гностиковъ, и тогда само собою откроется, что вся крайность сего направленія была недостаткомъ еретиковъ, а отеческое толкованіе весьма далеко было отъ сей крайности. Буквалисты особенно любятъ издѣваться надъ толкованіемъ св. Григорія Двослова на книгу Іова и книгу царствъ; но при объясненіи книги Іова святитель ясно говоритъ, что «мы должны напередъ посадить корень исторіи, чтобы въ послѣдствіи имѣть возможность насытиться плодами аллегорій» (L. I. v. 57). И еще: «мы усердвѣнне просимъ тѣхъ, кои хотятъ вознестись умомъ къ духовному пониманію (св. книгъ), просимъ не оставлять должнаго почтенія къ самой исторіи.» Значитъ, святитель вовсе чуждъ былъ крайности Оригена, который ради таинственнаго

смысла отрицать иногда действительность исторических событий. Не забудемъ и того, что толкованіе св. Григорія на книгу Іова пользовалось такимъ уваженіемъ въ древней церкви, что еще при жизни Григорія читалось въ церквахъ на ряду съ древними отеческими писаніями. Если такого рода сочиненія пишутся для назиданія чадъ церкви, то достаточное оправданіе для св. Григорія и подобныхъ ему толкователей—въ томъ самомъ, что съ великою любовію и уваженіемъ принимали ихъ толкованія ближайшіе къ нимъ современники.— Не много можно отыскать такихъ основательныхъ мыслителей, какъ Августинъ, но онъ ясно сознается, что между прочимъ вноскаательный способъ толкованія Писанія въ бесѣдахъ св. Амвросія медіоланскаго былъ для него рѣшительнымъ побужденіемъ къ обращенію изъ манихейства къ православію. Отеческія объясненія ветхаго завета въ таинственномъ смыслѣ много также способствовали къ вразумленію іудеевъ, маркіонитовъ и хилиастовъ, которыхъ вводила въ заблужденіе всего болѣе привязанность къ буквъ Писанія. Кроме сего объ образъ толкованія Писанія св. отцами должно судить не по экзегетическимъ только сочиненіямъ ихъ, но и по догматическимъ и полемическимъ, а въ сихъ послѣднихъ преобладаетъ именно буквальный методъ толкованія.

Для искателей буквального и историческаго смысла въ Писаніи не излишне указать и на то, что у св. отцевъ много можно найти филологическихъ объясненій и полезныхъ историческихъ и географическихъ замѣчаній, которыя должны имѣть неоспоримое преимущество предъ позднѣйшими толкованіями въ этомъ родѣ. Отцы церкви греческой, конечно, гораздо лучше

знали греческій языкъ, на которомъ написанъ новыи завѣтъ и на которомъ досель употребительнѣйшій въ церкви переводъ LXX толковниковъ, чѣмъ позднѣйшіе комментаторы. Между тѣмъ многіе протестантскіе толкователи думаютъ опредѣлить смыслъ библейскихъ греческихъ выраженій по словоупотребленію у языческихъ писателей, а не у отцевъ церкви, какъ будто апостолы изучали классическую языческую литературу.

Нельзя св. отцамъ отказать и въ знаніи еврейскаго языка. Св. Епифаній, св. Ефремъ Сиринъ и блажен. Иеронимъ были съ нимъ знакомы, и, что всего важнѣе, могли еще пользоваться болѣе близкими къ своему началу раввинскими преданіями. Правда, нѣкоторыхъ отцевъ вводило въ обманъ при объясненіи еврейскихъ словъ значеніе, придаваемое имъ евреями—Филономъ. Можетъ быть и то, что Златоуста, Амвросія и св. Кирилла александрійскаго иногда намѣренно или ненамѣренно вводили въ ошибки современные іудеи, невѣрно передавая значеніе нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, когда устно спрашивали ихъ объ этомъ св. отцы; но Иеронимъ, Епифаній и Ефремъ Сиринъ владѣли еврейскимъ языкомъ, и потому изъ знанія его извлекали не малую пользу при толкованіи Писанія.

Къ увеличенію славы отцевъ, какъ толкователей, должно замѣтить, что они оставили въ своихъ экзегетическихъ сочиненіяхъ и ясно высказанныя герменевтическія правила, съ которыми не могутъ не согласиться и нынѣшніе толкователи. У Златоуста и блаж. Августина не мало можно встрѣчать подтвержденныхъ ясными примѣрами правилъ и касательно примиренія мнимыхъ разногласій въ св. Писаніи, и касательно

словоупотребленія, и другихъ средствъ къ отысканію подлиннаго библейскаго смысла. Гуго Гроцій прямо говоритъ, что, при объясненіи затруднительнѣйшихъ мѣстъ Писанія, очень важно согласіе многихъ, и особенно, если оно восходитъ до временъ первой чистоты, т. е. до первыхъ временъ христіанства. Изъ позднѣйшихъ Толукъ и Гейденрейхъ очень часто подтверждаютъ свои толкованія изреченіями отцевъ и особенно Златоуста (г).

Говорятъ, что св. отцы, при объясненіи св. Писанія, часто разногласятъ между собою, и будто бы отеческія толкованія, собранныя въ катехахъ или сводахъ, исполнены неразрѣшимыхъ противорѣчій. Но это вопіющая клевета. Чаще всего разпорѣчія между ними усматриваются въ иносказательныхъ объясненіяхъ, но главныя начала иносказательныхъ объясненій у всѣхъ отцевъ одни и тѣже. Если нѣкоторымъ дѣйствіямъ и

(г) Есть замѣчательный голосъ въ пользу отеческихъ толкованій у Шеллинга: „Ни за какое другое, столь грубое, преступленіе не должно винить реформаторовъ, какъ за то, что они, вмѣсто живаго вѣчно-дѣйствующаго слова Божія, положили мертвыя буквы библіи. Наши древніе достопочтенные отцы и предстоятели церквей были твердо убѣждены въ этомъ, и при рѣшеніи споровъ, и особенно при опредѣленіи того, что должно считать заблужденіемъ, они основывались не столько и не преимущественно на своемъ толкованіи Писанія, сколько на согласіи и единствѣ свидѣтельствъ всѣхъ апостольскихъ церквей; а это согласное свидѣтельство не другое что значитъ, какъ повтореніе живаго слова, которое проповѣдало Иисусомъ Христомъ и Его Апостолами“. Все это—слова Шеллинга, въ его академическихъ лекціяхъ.

событіямъ они давали различное иносказательное знаменованіе, это вовсе не означаетъ противорѣчія. Отсюда слѣдуетъ заключить только то, что объясняемая мѣста допускаютъ различное толкованіе, равно согласное съ герменевтическими началами. Въ отпы напр. согласно говорятъ, что купина, видѣнная Моусеемъ, въ таинственномъ смыслѣ знаменовала пресвятую Дѣву, также какъ и врата храма, видѣнныя Іезекілемъ. Патріархъ Іаковъ, Іисусъ Навинъ и Моусей, крестообразно простиравшіи руки къ небу во время молитвы, также, по общему отеческому мнѣнію, были образами Христа Спасителя, только въ различныхъ отношеніяхъ. Кроме сего должно помнить, что подобныя симъ иносказательныя толкованія содержатся и въ пѣсняхъ церковныхъ, и церковь опредѣлила оглашать сими пѣснопѣніями слухъ вѣрующихъ въ самые торжественные праздники, конечно, не безъ убѣжденія въ истинности содержанія. Согласимся что нѣкоторыя таинственныя отеческія толкованія не совсѣмъ естественны и не подтверждаются ближайшимъ контекстомъ библейской рѣчи. Но никакъ нельзя назвать ихъ противными общему ученію вѣры, никакъ нельзя отрицать въ нихъ сообразности съ духомъ Писанія и общей назидательности. Если же такъ, то ко всѣмъ подобнымъ отеческимъ объясненіямъ можно примѣнить слѣдующія слова Августина: «кто извлечетъ изъ св. Писанія мысли, полезныя для назиданія въ любви, тотъ, хотя бы и не то именно говорилъ, что изъясняемый имъ библейскій писатель хочетъ сказать въ извѣстномъ мѣстѣ, однакожь ошибка его безвредна. Онъ, конечно, обманывается, но не лжетъ. Если смыслъ, не вѣрно извлеченный при изъ-

ясненіи слова Божія, —продолжаетъ еще Августинъ въ своей «христіанской наукѣ», —назидаетъ въ любви къ Богу и ближнимъ, то толкователь обманывается точно такъ, какъ обманывается путникъ, который, по ошибкѣ, оставивъ прямую дорогу, идетъ полемъ, впрочемъ приходитъ туда же, куда ведетъ и самая дорога». Этими словами епископа иппонійскаго достаточно отражаются многія протестантскія обвиненія противъ отеческихъ толкованій.

Встрѣчаются у отцевъ несогласныя толкованія и на нѣкоторыя историческія мѣста Писаній. Напр. въ словахъ Ламеха: *мужа убихъ въ язвѣ мнѣ* (Быт. 4, 23.) одни, какъ Златоустъ, видятъ великую добросовѣстность Ламеха, а другіе выраженіе нравственнаго огрубѣнія и дикости. Различно также объясняютъ отцы седмикратное отмщеніе, которымъ угрожалъ Господь за убіеніе Каина. Есть несогласіе и въ томъ, что одни отцы, какъ Златоустъ, говорятъ о Ноѣ, будто онъ вовсе не зналъ употребленія вина до потопа, а другіе допускаютъ противное; но все эти мнѣнія и сказанія относятся къ тому роду предметовъ, на ученіе о которыхъ собственно не простирается авторитетъ отеческій. Зналъ ли Ной употребленіе вина до потопа, или нѣтъ? раскаявался ли Ламехъ въ своихъ преступленіяхъ, или хвалился ими? — знаніе этого, конечно, неимѣетъ большаго значенія въ кругу религіозныхъ вопросовъ, и потому разногласіе отцевъ въ мнѣніи о Ноѣ и Ламехѣ не должно вести къ отрицанію ихъ авторитета въ ученіи о существенныхъ предметахъ вѣры. За исключеніемъ сихъ не многихъ историческихъ разногласій, все важнѣйшія догматическія мѣста объяснены у св. отцевъ совершенно согласно и едино-

образно. Такъ напр. никто изъ отцевъ не объяснялъ въ аріанскомъ смыслѣ словъ изъ книги Притчей: *Господь созда мя начало путей* (8, 22.); никто изъ отцевъ не отвергалъ иконопочитаія на основаніи второй заповѣди. Всѣ они согласно такъ же объясняютъ пророчества о рожденіи, страданіяхъ и другихъ событіяхъ изъ жизни Мессіи. А все это показываетъ, что истолковательныя творенія отцевъ для православнаго богослова должны быть признаны лучшими пособіями при толкованіи Писанія.

Ученіе христіанской нравственности, по своей доступности для разума, конечно, меньше нуждается для своего пониманія въ пособіи преданія; но опытъ показываетъ, что и нравственныя правила, ясно, просто и общедоступно изложенныя въ Писаніи, каково наприм.: ученіе о постѣ или о дѣвствѣ, не избавляются отъ неправыхъ толкованій. Въ святыхъ же отцахъ церкви сознаніе полного соответствія требованій евангельскаго закона нашей природѣ и необходимости сихъ требованій весьма много уяснялось опытомъ собственной ихъ высокой духовной жизни; потому и нравственно-аскетическія ихъ писанія, по обилію назиданія и глубокому средству съ ученіемъ слова Божія, далеко превосходятъ сочиненія обыкновенныхъ писателей, опредѣлявшихъ законы дѣятельности человѣческой. Поэтому долгъ каждаго истиннаго сына церкви—строго сообразоваться и съ нравственнымъ ученіемъ отеческимъ. О христіанскихъ добродѣтеляхъ и противоположныхъ имъ порокахъ, о средствахъ къ пресыбіанію въ благочестіи и къ преодоленію грѣховныхъ склонностей отцы церкви разсуждали съ такою полнотою и убѣдительностію, какихъ никакъ нельзя найти у

обыкновенныхъ моралистовъ, не столь богатыхъ духовною опытностію. И обаятельную силу искушеній, и нашу духовную немощь, и коварство враговъ нашего спасенія, и дѣйствія спасающей благодати Божіей въ сердцахъ вѣрующихъ, — все это никто неизображалъ такъ живо и вѣрно, какъ св. подвижники вѣры и благочестія. Даже нѣкоторые изъ протестантскихъ писателей объ отпахъ церкви въ семь отношеніи отзываются съ великимъ уваженіемъ. Напр. Гердеръ отличительнымъ свойствомъ отеческихъ нравственныхъ твореній поставляетъ сердечность, и говоритъ: «стыдно, что многіе изъ нашихъ проповѣдниковъ посѣдѣли и состарѣлись надъ своими проповѣдями, но не читали ни Василія Великаго, ни Златоуста». Лучшіе французскіе проповѣдники, наприм. Массильонъ и Боссюэтъ, конечно, говорили безъ притворства и на основаніи собственнаго опыта, когда увѣряли, что чтеніе отеческихъ твореній есть надежнѣйшее средство къ пріобрѣтенію ораторскаго искусства — поразительно и успешно дѣйствовать на умы и сердца слушателей. Дѣйствительно, постоянное записываніе бесѣдъ святоотеческихъ и частыя народныя рукоплесканія, во время произношенія проповѣдей Златоустомъ, Василиемъ Великимъ и другими, ни чѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ полнымъ соответствіемъ нравственнаго отеческаго ученія нуждамъ и потребностямъ благочестиваго чувства. Кто лучше напр. св. Златоуста могъ изобразить силу и духъ христіанской любви къ ближнимъ? Кто умильнѣе св. Ефрема Сирина могъ говорить о радостотворномъ плачѣ предъ Богомъ и о необходимости сердечнаго сокрушенія? Не менѣе назидательны и аскетическія писанія св. отцевъ. Нужно

только отличать въ нихъ наставленія, предлагаемыя для отшельниковъ и безмолвниковъ отъ обязанностей общихъ всемъ послѣдователямъ Христовымъ. Сколько бы кто ни былъ предубѣжденъ противъ монашества, долженъ согласиться, что монашескія правила Пахомія, Василія Великаго много содѣйствовали подвижникамъ IV вѣка къ достиженію той высоты нравственнаго преуспѣянія, за которую прославляли ихъ современники, и при которой они имѣли такое великое вліяніе на исправленіе нравовъ современнаго имъ общества. Православившіеся въ російской церкви св. угодики Божіи не тому ли, между прочимъ, обязаны своимъ нравственнымъ преслѣпаніемъ, что первые основатели иноческихъ русскихъ обителей требовали отъ своихъ учениковъ точнаго исполненія правилъ, постановленныхъ древними отцами церкви? Сохранившіеся до насъ уставы Пела Сорскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и др. суть не что иное, какъ извлеченіе изъ аскетическихъ писаній: Василія Великаго, Пела Синайскаго, Іоанна Лествичника, Исаака Сирина, Федора Студита и др. Если нуженъ ближайшій примѣръ дѣйственности подвижническихъ отеческихъ твореній на сердца, жаждущія духовнаго назиданія; то смѣю можно указать на слово пр. Доротея о самообвищеніи. Это слово по истинѣ можно назвать самовѣрнѣйшимъ лекарствомъ для всѣхъ гнѣвливыхъ, раздражительныхъ и вспыльчивыхъ людей; потому что здѣсь, какъ нельзя лучше, выяснена нужда христіанской снисходительности къ немощамъ ближняго. Укажемъ и другой не менѣе замѣчательный примѣръ. Отъ чего книги объ истинномъ христіанствѣ и слова Іоанна Ариста отличаются особенною назидательностію отъ всѣхъ другихъ произве-

дѣній нѣмецкой богословской литературы? Отъ того, какъ сознаются протестантскіе же писатели, что авторъ много и долго изучалъ писанія св. Макарія египетскаго и сроднился съ духомъ его твореній.

Нѣкоторые читатели нравственныхъ аскетическихъ отеческихъ твореній, какъ извѣстно, *соблазняются* тѣмъ, что всѣ почти подвижники своимъ учешкамъ советуютъ нисколько не заниматься вѣщностью, не чесать волосъ на голову, смотреть болышею частію въ землю, не садиться рядомъ съ сверстниками, какъ можно болыше молчать въ общихъ собраніяхъ, не начинать разговора при старшихъ и отвѣчать только на предложенные вопросы, и проч. Говорятъ, что это или мелочныя наставленія, или такія правила приличія, которыя никакъ не следовало помѣщать наряду съ нравственными совѣтами. Но должно помнить, что такія правила предлагались первоначальнымъ монахамъ для испытанія ихъ послушанія, и что подобныя внушенія никто изъ аскетовъ никогда не почиталъ правилами, имѣющими одинаковую важность съ главными обязанностями иноковъ. При семъ не лишнее замѣтить и то, что иноковъ, небрегающихъ о прическѣ волосъ и не держающихъ по емиренію смотреть другимъ въ лице, а опускающихъ глаза въ землю, такихъ иноковъ похваляетъ Василій Великій, такой подвижникъ, который проходилъ отъ знаменитаго рода древнихъ греческихъ аристократовъ, и который очень хорошо зналъ требованія вѣшняго приличія. Значитъ, онъ былъ опытно увѣренъ, что это отступленіе отъ принятыхъ правилъ приличія, эти вѣшнія выраженія смиренія были необходимы для первоначальныхъ, и что онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могли служить ру-

чательствомъ за уснѣхъ въ первоначальной борьбѣ съ грѣховными склонностями

Не умолчимъ и о томъ, чѣмъ мечтаютъ заподозрить чистоту нравственнаго отеческаго ученія протестанты. Они порицаютъ св. отцевъ и подвижниковъ за предпочтеніе дѣвства супружеству,— говорятъ, что это было заблужденіе времени, и потому отъ него не могли освободиться ни Златоустъ, ни Василій Великій, ни Григорій Богословъ и др. Они осуждаютъ еще за совершенное запрещеніе клятвы, за ученіе о дозвоительности преслѣдовать еретиковъ и раскольниковъ, и за ученіе о мученичествѣ, какъ второмъ крещеніи. Несправедливость этихъ обвиненій понятна сама собою. Замѣтимъ здѣсь только, что напрасно св. отцамъ приписываютъ рѣшительное воспрещеніе всякой клятвы. Златоустъ, Григорій Богословъ и блаженный Августинъ часто общаются своихъ современниковъ за частое легкомысленное употребленіе клятвы, однако ясно и во многихъ мѣстахъ говорятъ и о дозвоительности правдивой клятвы. Итакъ, и нравственное отеческое ученіе равно обязательно для насъ.

Необходимо признать авторитетъ св. отцевъ и въ отношеніи къ управленію церковному и богослужебнымъ учрежденіямъ. Правда — между правилами св. отцевъ есть такія, которыя позднѣйшіе пастыри церкви признали за нужное отмѣнить. Исторія каноническаго права представляетъ нѣсколько примѣровъ отмѣненія отеческихъ правилъ, относящихся къ управленію и благочинію церковному. Такъ церковь не строго держится правилъ касательно сроковъ отлученія различныхъ грѣшниковъ отъ приобщенія св. таинъ; позволила себѣ отступитъ, ради пользы общей, отъ воспре-

щенія перемѣнять епископовъ съ одной кафедры на другую. Само собою разумѣется, что подобныя отступленія отъ отеческой каноники суть слѣдствіе не неуваженія къ отцамъ, а мудраго приспособленія церкви къ обстоятельствамъ времени. По духу и нынѣ дѣйствующихъ законовъ церковь строго сообразуется съ древними постановленіями вселенскихъ и одобренныхъ вселенскими помѣстныхъ соборовъ. Ибо въ дѣль напр. отлученія грѣшниковъ отъ святыхъ таинъ сами отцы совѣтовали смотрѣть не столько на исполненіе времени, назначеннаго для отлученія, сколько-- на искренность и глубину раскаянія грѣшниковъ.

Есть также нѣкоторыя измѣненія въ составѣ и чинѣ богослуженія, установленнаго отцами. Такъ церковь, безъ всякаго опасенія, измѣнила самое время общественнаго богослуженія, совмѣстивъ древнее седмичное число службъ только въ три, и назначивъ для нихъ такіе часы, которые, при нынѣшнихъ обычаяхъ, вѣрующимъ удобнѣе посвящать на совершеніе молитвы. И это измѣненіе есть необходимое примѣненіе къ духу отеческихъ же богослужебныхъ учрежденій. Сами отцы въ свое время дозволили себѣ измѣненія въ постановленіяхъ своихъ богомудрыхъ предшественниковъ касательно сего предмета. Такъ они сокращали чинослѣдованія молитвъ и чтеній, когда видѣли, что продолжительность ихъ утомляетъ посѣтителей святыхъ храмовъ и охлаждаетъ ихъ усердіе къ богослуженію. Они вводили также много такихъ пѣснопѣвій и стихирь, которыя неизвѣстны были въ самые первые вѣка христіанства, какъ это особенно должно сказать о церковныхъ канонахъ, которые начали входить въ составъ службъ церковныхъ уже въ

VII вѣкъ. Но, безъ настоящей нужды и уважительныхъ причинъ, дѣлать измѣненія въ отеческомъ чинѣ богослуженія никакъ не дозвоительно. Отрѣкаться напр. отъ совершенія литургіи по чину Златоуста или Василія Великаго значитъ отказываться отъ учреждений, внесенныхъ въ богослуженіе самими Апостолами. Кроме сего, для всякаго добраго сына церкви великимъ одобреніемъ, утѣшеніемъ, а отчасти и увѣреніемъ въ единеніи съ древнею церковію всего болѣе служить то, что наше богослуженіе совершается въ главномъ своемъ порядкѣ и чинѣ, именно такъ, какъ постановлено св. отцами, и что пѣснопѣнія и молитвы, по своему происхожденію относящіяся къ самымъ первымъ временамъ христіанства, составлены тѣмъ или другимъ св. отцемъ или мученикомъ. Дѣйствительно, духовный вкусъ св. отцевъ, какъ стоящихъ въ особенной близости къ Богу и вообще къ духовному міру, достаточно ручается за то, что они, въ дополненіе къ первоначальному чину богослуженія, введенному Апостолами, могли сдѣлать такія прибавленія и привести такіе обряды, которые, какъ нельзя болѣе, соответствуютъ духу апостольскихъ учреждений. Что касается до отеческихъ церковныхъ пѣснопѣній и стихиръ, внесенныхъ въ составъ церковнаго богослуженія, то никто, безъ сомнѣнія, не будетъ отрицать ихъ умилительность и соединенную съ тѣмъ силу возносить нашу душу отъ земнаго и дольняго къ созерцанію высокихъ таинъ вѣры. Но также справедливо будетъ сказать, что нѣкоторая часть ихъ примѣнена къ тѣмъ религіознымъ спорамъ, которые сильны были въ вѣкъ церковныхъ вѣснотворцевъ, и которые отчасти потеряли значеніе въ послѣдующее время. Во

всякомъ случаѣ догматическое ученіе, излагаемое въ нихъ, есть также непреложно и истинно, какъ и то ученіе, которое составляетъ предметъ отдѣльныхъ догматическихъ или полемическихъ твореній. Отъ нѣкоторыхъ отцевъ церкви, какъ-то: Діонссія Ареопагита, Кирилла іерусалимскаго, Амвросія медіоланскаго, Германа константинопольскаго и Максіма исповѣдника, сохранились и такія литургическія писанія, въ которыхъ они объясняли значеніе различныхъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ. Безспорно, что въ-которымъ изъ сихъ дѣйствій и обрядовъ они давали различныя знаменованія, но каждое изъ этихъ объясненій имѣло свои основанія, и при всемъ видимомъ разнообразіи оны легко могутъ быть примирены безъ противорѣчія истинѣ. Впрочемъ, такъ какъ нѣкоторыя части богослуженія и обряды, съ ними соединенные, впоследствии измѣнились; то эти объясненія имѣютъ не столько руководственное, сколько археологическое значеніе. Но отсюда же можно видѣть, что многіе обряды, входящіе въ составъ тайнодѣйствій, и теперь совершаются также, какъ совершались въ древней церкви.

Было уже упомянуто, что авторитетъ св. отцевъ не простирается на такія историческія изслѣдованія, которыя не относятся къ существованію христіанской религіи. Дѣйствительно, достоверность сообщаемыхъ ими историческихъ свѣдѣній зависитъ отъ тѣхъ же условій, какія обыкновенно составляетъ критика для писателей сего рода. Безъ соблюденія сихъ условій, отцы могли допускать историческія ошибки, какъ случилось это напр. съ св. Епифаніемъ, который, въ книгахъ своихъ противъ еретиковъ, говоритъ, будто

Арій умеръ прежде 1-го вселенскаго собора, и которому въ семь случаевъ видимо пѣмъница старческая память, на что указываетъ встрѣчающаяся у него въ другомъ мѣстѣ оговорка: «если не измѣняетъ мнѣ память». Подобныя примѣры встрѣчаются и въ объясненіи св. Писанія. Некоторые отцы не всегда точно объясняли библейскія повѣствованія, и ветхозавѣтныя пророчества о различныхъ языческихъ народахъ; напр. то, что предсказано въ символическихъ видѣніяхъ объ ассирианахъ, некоторые изъ нихъ относились къ египтянамъ, и на оборотъ. Но при всемъ этомъ и историческія писанія отцевъ обладаютъ такими преимуществами, которыхъ недостаетъ обыкновеннымъ историкамъ. Искренность и безпристрастіе, проникновеніе въ пути Промысла и несумнительное признаніе сверхъестественныхъ дѣйствій въ исторіи міроуправленія Божія нигдѣ такъ ясно не отражаются, какъ въ историческихъ писаніяхъ богомудрыхъ отцевъ церкви. А посему чтеніе и этихъ отеческихъ писаній много можетъ служить къ утвержденію въ вѣрѣ и чувствахъ благочестія. Одно жизнеописаніе Антонія Великаго, написанное св. Анапасіемъ, обратило ко Христу многія тысячи душъ. Блаженный Августинъ не могъ безъ слезъ читать это твореніе, когда оно въ первый разъ было представлено ему однимъ изъ друзей, а многіе изъ римскихъ христіанъ этимъ жизнеописаніемъ побуждены были къ устройенію монашескихъ обществъ въ самомъ Римѣ, чего здѣсь до посвященія Рима св. Анапасіемъ вовсе не было. Не меньшую, конечно, пользу въ этомъ отношеніи принесли и жизнеописаніе преп. Пларіона, составленное блаженнымъ Иеронимомъ и житіе Григорія, неокесарійскаго чудотворца, написан-

ное Григоріемъ Писскимъ. Также важны въ историческомъ отношеніи и похвальныя слова, писанныя св. отцами въ честь близкихъ къ ихъ времени мучениковъ, святителей и пустынниковъ. Сии творенія служатъ не только живымъ подтвержденіемъ многихъ сказаній о святыхъ въ нашихъ четыхъ книгахъ, но и спльнымъ противоядіемъ той чудобоязни, которою въ наше время страдаютъ очень многіе писатели, готовые считать суевѣріемъ или мѣломъ всякое упоминаніе о чудъ въ житіяхъ св. угодниковъ Божіихъ (д). Столь же важное мѣсто въ ряду историческихъ отеческихъ писаній должна занимать и лѣтопись нашего перваго историка, преп. Нестора, и т. и.

Нельзя отказать въ особенномъ уваженіи и тѣмъ отеческимъ писаніямъ, въ которыхъ они сообщаютъ свѣдѣнія о еретикахъ своего времени. Позднѣйшіе изслѣдователи представляютъ еретиковъ такими жалкими людь-

(д) Такъ по этой между прочимъ причинѣ нѣкоторые изъ протест. писателей не хотѣли признать подлиннымъ сочиненіемъ св. Гр. Двоеслова собесѣдованіи его о жизни италійскихъ отцевъ. Другіе (какъ Paul Albert въ соч.: S. Chrysostome, considéré comme orateur populaire) даже хвалятся тѣмъ, что они въ исторіи не допускаютъ ничего чудеснаго. Но сказанія о чудесахъ въ историческихъ сочиненіяхъ никакъ не могутъ служить основаніемъ къ сомнѣнію въ достоверности подобныхъ сочиненій. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слова преосв. Иннокентія, архіеп. херсонскаго, писателя, безъ сомнѣнія, не менѣе другихъ знакомаго съ требованіями исторической критики. Въ словѣ на память сорока севастійскихъ мучениковъ онъ говоритъ: „я въ большее прихожу изумленіе, когда встрѣчаю жизнь мученика и не вижу чудесъ, нежели когда нахожу ихъ въ избыткѣ“.

ми, которые какъ бы невинно страдали за свои убѣжденія, которые какъ бы вовлечены были въ заблужденіе какими нибудь недоразумѣніями, и которые не уступали православнымъ въ благородствѣ своего характера. Правда, бывали и между еретиками такіе, которые отличались строгостію своей жизни: объ этомъ, какъ мы видѣли, ясно говорятъ сами отцы. Но тѣже св. отцы, которые даютъ одобрителный отзывъ о томъ или другомъ лжеучителѣ, замѣчаютъ иногда, что нѣкоторые еретики отделились отъ первыи и впади въ ересь главнымъ образомъ по гордости, властолюбію и честолюбію. Св. отцы подтверждаютъ это неоспоримыми фактами; св. Иринеѣ вѣрнѣе было лично знакомъ со многими гноствиками, и потому недоувѣріе къ нему въ семь отношеніи противно всѣмъ началамъ исторической критики. Благоразумно ли сомнѣваться въ истинности «исторіи арианъ», написанной св. Аѳанасіемъ, когда въ обличеніе арианъ, онъ приводитъ собственныя ихъ письма или такія улики, которыя дѣлаютъ ихъ безгласными? Есть ли основаніе предполагать благородство и чистоту побужденій въ арианахъ, которые обвиняли св. Аѳанасія въ умерщвленіи Исхира и въ употребленіи руки сего человека для чародѣяній, когда извѣстный Исхиръ приведенъ былъ на соборъ живой и съ обѣими руками? Не мѣше противно началамъ исторической критики защищать благородство Арія, когда онъ обманомъ невольнаго въ дѣлахъ вѣры государя, проискавши черезъ приближеннаго къ нему пресвитера, возвратитъ себѣ доступъ къ общенію церковному? Кто не знаетъ, что Песторій умеръ отъ источенія его языка червями? Нельзя думать, чтобы Господь могъ наказать сего человека

столь тяжкимъ недугомъ, если бы его ересь происходила только отъ недоразумѣнія, а не поддерживалась его гордостію и упорствомъ. Св. Епифаній и Іоаннъ Дамаскинъ, когда писали свою исторію ересей, свѣдѣнія о еретикахъ также заимствовали изъ несомнѣнныхъ источниковъ, или отъ лицъ, имѣвшихъ частыя и продолжительныя сношенія съ еретиками, или изъ тѣхъ сказаній, которыя сообщали о сектантахъ сами еретики послѣ своего обращенія къ православію. Блаженный Августинъ, конечно, не могъ ошибаться въ изображеніи заблужденій и нравовъ манихеевъ, какъ нѣсколько времени принадлежавшій къ этой сектѣ. Итакъ увѣренія протестантовъ, будто св. отцы искажали ученіе еретиковъ и не вѣрно отзывались объ ихъ образѣ жизни, совершенно не основательны и не справедливы.

Есть у св. отцевъ сочиненія и по части наукъ естественныхъ и словесныхъ; нѣкоторые изъ нихъ занимались предметами, относящимися къ физикѣ, физіологій, грамматикѣ и музыкѣ. Но церковь никогда не приписывала симъ твореніямъ никакого авторитета. Онѣ могутъ свидѣтельствовать только объ обширности образованія писавшихъ эти сочиненія отцевъ, но никто не обязывается предпочитать ихъ изслѣдованія въ сей области знанія новѣйшимъ теоріямъ и открытіямъ. По этимъ наукамъ св. отцы могли значительно уступать позднѣйшимъ естествоиспытателямъ въ обширности и основательности своихъ познаній. По этимъ частямъ они могли раздѣлять господствующія въ нихъ время заблужденія, какъ напр.: мнѣніе о движеніи солнца и о неподвижности земли, о невозможности антиподовъ. Не споримъ, что у отцевъ можно встрѣ-

тить грубыя ошибки по географіи, физикѣ, зоологіи и астрономіи; но это нимаю не должно уменьшать уваженія къ св. отцамъ, какъ хранителямъ апостольскаго преданія. Если винить ихъ за подобныя ошибки, то нужно будетъ осуждать и Александра македонскаго и Цезаря, за то, что они не пользовались при своихъ завоеваніяхъ много снуетя послѣ нихъ изобрѣтенною артиллеріею. Пусть нѣкоторые изъ отцевъ подтверждаютъ истину воскресенія сказаніемъ о Феникскѣ; пусть другіе говорятъ о какихъ-то неестественныхъ превращеніяхъ животныхъ мужскаго пола въ женскій и наоборотъ; пусть ошибочны также передаваемые иными свѣдѣнія о томъ, что львица рождастъ одного львенка, и что пеликанъ кровію изъ своей груди оживляетъ умершихъ птенцовъ; но если также думаемъ объ этихъ предметахъ и современные смѣя отцамъ историки природы и естествоиспытатели, то слава отцевъ чрезъ сіе нѣсколько не умаляется, тѣмъ болѣе, что догматическія взрванія отъ примышенія къ смѣя сказаніямъ значительно уяснились для читателей того времени. Но отдавая предпочтеніе новѣйшимъ изслѣдованіямъ по части естественныхъ наукъ предъ тѣми свѣдѣніями о природѣ, какія встрѣчаются въ отеческихъ писаніяхъ, мы также не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что отеческія творенія и по этой части обладаютъ нѣкоторыми такими преимуществами, которыя трудно найти у современныхъ корифеевъ въ области естествознанія. Въ общемъ благоговѣйномъ взглядѣ на природу, какъ дѣлю всемогущества, премудрости и благодати Божіей, въ умѣннн извлекать разительныя и сильныя правоученія изъ явленій и дѣйствій природы, св. отцы далеко превос-

ходили самых авторитетных естествоиспытателей послѣдняго времени, а особенно тѣхъ, у которыхъ въ весьма обширныхъ изслѣдованіяхъ о вселенной, къ изумленію читателя, ни однажды не встрѣчается ни имени Бога, ни слова: Творецъ, а вездѣ замѣняются эти слова понятіемъ природы, какъ будто она сама въ себѣ заключаетъ зидительную силу. И въ обыкновенной жизни кто лучше знаетъ природу, ученый ли, если онъ безчувственъ и мертвъ для любви къ ней, или неученый, но любящій наслаждаться ея красотами? Первый видитъ въ ней ряды и порядки творей, мертвыя буквы изъ книги природы, знаетъ перечни травъ и растений, сухую, мертвую номенклатуру классовъ, видовъ, подраздѣленій; послѣдній не знаетъ этого, но знаетъ то, что природа есть храмъ Божества и осязательно онуцаетъ въ ней Его присутствіе. Гораздо съ большимъ правомъ это должно сказать о св. отцахъ. Кто читалъ шестодневы Василія Великаго, Григорія Нисскаго и Амвросія Медиоланскаго, тотъ ни мало не усомнится въ истинности сего положенія.

Что касается до философіи, то въ той ея части, которая ближе подходитъ къ богословію, и которая иногда называется умственнымъ богословіемъ, безъ сомнѣнія, необходимо прислушиваться къ голосу св. отцевъ. «Это потому, — скажемъ словами Златоуста, — что люди святые, и особенно возвысившіеся, могутъ истинно знать величіе Божіе, не все, какъ оно есть само въ себѣ, это не возможно, но ясліе другихъ» (Бес. на псал. 131.). Посему патрологи, трудившіеся надъ изученіемъ отеческихъ твореній, не опасались дѣлать и такія замѣчанія, что самая философія, кото-

рая прежде такъ чуждалась откровенія, и которую стараются примирить съ нѣмъ великіе умы Германіи и Франціи, во многихъ писаніяхъ св. отцевъ отыщется такую глубину вѣдѣнія, которой никогда не бывало въ древнихъ философскихъ толкахъ «о началъ всѣхъ началъ»; и въ аскетическихъ писаніяхъ св. отцевъ отражается такое глубокое знаніе человѣческаго сердца, подробно указываются такіа вѣрныя средства къ искорененію грѣховныхъ склонностей, преподаются такіа мудрыя наставленія для борьбы со грѣхомъ, какихъ нельзя найти въ самыхъ прославленныхъ новѣйшихъ психологіяхъ и правоученіяхъ философовъ. Даже диалектика, какъ напр. Іоанна Дамаскина, определяя значеніе терминовъ онтологическихъ, поему можетъ быть названа, какъ и называетъ ее Дамаскинъ, оружіемъ для богословія; особенно она имѣла важное значеніе при богословскихъ спорахъ съ несторіанами, монофизитами и моноелзитами, гдѣ усиліяхъ полемики много зависѣть отъ опредѣленія смысла понятій: сущность, иностась, лице, естество, свобода и т. под. Вообще, такъ какъ философія св. отцевъ церкви опиралась на глубокіе сердечныя убѣжденія христіанской вѣры, которыя служили для нихъ исходнымъ пунктомъ умозрѣнія и критеріемъ истины; то съ этой стороны ихъ философія естественно должна располагать въ свою пользу, хотя она и не получила еще, собственно такъ называемаго, научнаго развитія. Но съ другой стороны, такъ какъ философія чуждается авторитета, и безавторитетность или самостоятельность считаетъ отличительною своею чертою, и такъ какъ у нѣкоторыхъ отцевъ, напр. Григорія Богослова и Златоуста, слова — философія и философствованіе

имѣютъ очень тѣсный смыслъ, означаютъ только духовно-благодатное побомудріе, пріобрѣтенное подвижничествомъ; то приписывать авторитетъ философскимъ отеческимъ твореніямъ нѣтъ твердыхъ основаній. Мы даже соглашаемся съ тѣмъ, что въ историческихъ замѣткахъ о древнихъ философахъ у нѣкоторыхъ отцевъ допускаются выраженія, довольно оскорбительныя для сихъ философовъ. Такъ напр. Златоустъ Платона и Сократа за нѣкоторыя погрѣшительныя мысли называетъ едва не сумасшедшими, во всякомъ случаѣ людьми недомотавшимися ничего болѣе, кроме пустой народной славы. Явно, что такія выраженія несутъ въ себѣ слѣды преувеличенія. Впрочемъ большая часть отцевъ воздастъ честь и славу древнимъ философахъ за всѣ тѣ мысли ихъ, которыя сходны съ христіанскимъ ученіемъ. И такъ хотя у св. отцевъ много можно находить здравыхъ и глубокихъ философскихъ соображеній, но такъ какъ въ философскомъ ученіи самостоятельный человѣческій разумъ—высшій судія и рѣшитель всѣхъ недоумѣній, то объ авторитетъ отцевъ въ области философіи не можетъ быть и рѣчи.

Сущность представленнаго обзора всѣхъ, различныхъ по своему содержанію, отеческихъ твореній можетъ быть выражена въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: чѣмъ ближе предметы свято-отеческихъ писаній къ существу христіанской религіи, тѣмъ необходимѣе соглашаться съ возрѣніями св. отцевъ на сіи предметы, тѣмъ необходимѣе подчиняться ихъ авторитету, и на оборотъ, чѣмъ отдаленнѣе предметы ихъ размышленій отъ круга тѣхъ истинъ вѣры и благочестія, которыми опредѣляется сущность богооткровеннаго ученія, тѣмъ менѣе можно усвоить отеческимъ твореніямъ значеніе

и важность. Изследованія напр. св. отцевъ по части наукъ историческихъ или естественныхъ могутъ имѣть свои достоинства и даже преимущества, но здѣсь ихъ мѣстныя—не критерій истины, и не въ этомъ ихъ главная заслуга. Защищеніе догматовъ вѣры, раскрытіе духа христіанской нравственности, приведеніе богослуженія и чина священныхъ таинствъ въ единообразный видъ, составленіе правилъ для церковнаго управленія и сообщеніе свѣдѣній о св. подвижникахъ вѣры и благочестія—вотъ за что особенно долженъ чтить и прославлять ихъ истинный сынъ св. церкви, вотъ какия и въ какомъ отношеніи особенно важны ихъ писанія. Итакъ путемъ историческаго изследованія объ авторитетѣ отеческомъ мы пришли къ тому несомнѣнному заключенію, что св. отцы надежнѣйшіе руководители въ дѣлѣ религіознаго знанія, что въ ихъ писаніяхъ заключено апостольское преданіе, что посему все споры о вѣрѣ, о правилахъ благочестія и благочинія церковнаго необходимо должны быть рѣшаемы при свѣтѣ святоотеческихъ писаній; но несомнѣннымъ доказательствомъ истины служить только единодушное и согласное ихъ ученіе, только сіе ученіе всякому должно принимать за несомнѣнное правило, а не всякую частную отеческую мысль и не всякое ихъ предположеніе и изследованіе. Церковь воевъ времена паче и имѣеть нужду указывать для своихъ чадъ такія сочиненія, которыя могутъ служить предохраненіемъ отъ невѣрія, заблужденій и нравственныхъ паденій; и она во все времена тщательно отличала тѣхъ пастырей, которыхъ Богъ особенно ущедрялъ дарами Своей благодати, приуготовлять къ борьбѣ съ еретиками и одарять дарами премудрости и свѣдѣній; она принимала

ихъ писаній съ особеннымъ уваженіемъ и предлагала ихъ въ руководство на будущія времена. Она не приписываетъ св. отцамъ совершенной непогрѣшимости, но указываетъ на высокія ихъ естественныя и благодатныя дарованія, на близость многихъ изъ нихъ и по времени къ св. Апостоламъ, на ихъ пламенную любовь къ слову Божию, на явное и особенное попеченіе о нихъ Промысла, и какъ бы такъ говорить всѣмъ, которые искренно желаютъ слышать ея ученіе: «Для васъ не достаточно руководство одного св. Писанія; многихъ догматовъ и другихъ истинъ, заключенныхъ въ Писаніи, вы не можете верно понять и изъяснить безъ постороннихъ пособій. Но болѣе надежныхъ пособій послѣ св. Писанія вы нигдѣ не найдете, кромѣ отеческихъ писаній. И снѣ богомудрые учителя церкви не чужды погрѣшительныхъ мнѣній; но слѣдуетъ только вникать въ духъ ихъ твореній и не привязываться слѣпо къ буквѣ ихъ писаній, тогда они действительно будутъ свѣтозарными звездами, на пути изученія откровенной религіи. Если они, при всей любви къ богооткровенной истинѣ, не всегда спасались отъ погрѣшности въ дѣлахъ некасавшихся вѣры, то тѣмъ менѣе могутъ довѣряться своимъ соображеніямъ тѣ изъ васъ, въ сердцахъ которыхъ не такъ ярко горитъ огонь любви къ Господу, какъ горѣть и не перестаетъ горѣть въ сердцахъ, уже переселившихся на небо, св. отцевъ и учителей». И такъ сънѣ церкви, прославляя вмѣстѣ съ церковію св. отцевъ, какъ свѣтильничковъ и столповъ церкви, не можетъ безъ противорѣчія ей отказаться отъ признанія руководительнаго значенія свято-отеческихъ писаній. Особенно тяжело грѣшнѣтъ тотъ, кто съ какимъ-то услажденіемъ изыскиваетъ

только частныя погрѣшительныя мнѣнія, или незначи-
 тельныя разногласія отцевъ между собою, отыскиваетъ
 именно для ослабленія вѣры въ ихъ авторитетъ, столь
 давно признанный церковію. Это дерзость, скажемъ
 словами Викентія Леринскаго, истинно похожая на
 дерзость того сына Нова, который, за недостатокъ
 сыновнихъ чувствъ, сдѣлался родоначальникомъ раб-
 скаго племени, дерзость совершенно противная духу
 любви и къ простымъ бжежимъ, а тѣмъ болѣе къ
 прославленнымъ угодицамъ Божиимъ.—Еслибы, при
 требованіи вѣры въ авторитетъ отеческій, не дѣлалось
 никакого ограниченія по отношенію къ предметамъ
 человеческого знанія, еслибы, для опредѣленія досто-
 вѣрности ихъ ученія, не поставлялось критеріемъ еди-
 нодушное ихъ согласіе въ признаніи пзвѣстныхъ дог-
 матовъ и объясненіи Писанія; то изыскваніе отече-
 скихъ погрѣшностей заслуживало бы нѣкоторое изви-
 неніе. Но при отсутствіи этихъ условій, всякой дерз-
 кой, насмѣшливой, неуважительной отзывъ о св.
 отцахъ церкви, конечно, не останется безъ отмщенія
 со стороны Господа, Который видимо и явно просла-
 вляетъ всѣхъ истинныхъ и достонодражаемыхъ рев-
 нителей Его славы.

Сказано было, что только единодушное и согласное
 ученіе св. отцевъ о предметахъ вѣры и благочестія
 признается несомнѣннымъ доказательствомъ истины.
 Но и въ этомъ смыслѣ протестанты не соглашаются
 признавать авторитетъ отеческій. «Какъ узнать, гово-
 рять они, это единодушное согласіе? Ужели нужно
 собирать отъ всѣхъ рвшительно отцевъ свидетельства
 касательно того или другаго предмета вѣры и благо-
 честія? И какъ можно это сдѣлать, когда весьма

много сочиненій отеческихъ утрачено, и когда дошедшія до насъ или измѣнены и повреждены, или напрасно цосять на себя имя св. отцевъ? Притомъ же сами св. отцы не только не приписываютъ своимъ твореніямъ никакого преимущества предъ другими человеческими произведеніями, но и прямо сознаются въ своихъ ошибкахъ, а иногда даже, при последнемъ предсмертномъ пересмотрѣ своихъ сочиненій, дѣлаютъ въ нихъ поправки и измѣненія.» Дадимъ отвѣтъ и на сіи возраженія противъ отеческаго авторитета.

Узнать общее и согласное отеческое ученіе объ извѣстномъ предметѣ вовсе не такъ затруднительно, какъ представляютъ протестантскіе богословы. Для увѣренія въ томъ, что извѣстное ученіе принадлежитъ всѣмъ вообще отцамъ, довольно, если нѣсколько такихъ отцевъ, которые пользуются въ церкви особеннымъ уваженіемъ и славою, ясно, часто и рѣшительно выражаютъ это ученіе, а другіе, хотя не упоминаютъ о томъ, но и не противорѣчатъ сему и не отвергаютъ его. (Такъ на ефесскомъ вселенскомъ соборѣ приведено было только 10 отеческихъ свидѣтельствъ противъ Несторія. И во всякомъ другомъ случаѣ можно удовлетвориться этимъ числомъ свидѣтельствъ.) Самое различеніе способа, которымъ излагаются мысли въ отеческихъ писаніяхъ, даетъ возможность узнать общее отеческое ученіе о томъ или другомъ предметѣ. Св. отцы или просто и съ увѣренностію излагаютъ то, чему учили Іисусъ Христосъ и Апостолы, и что хранитъ церковь, или высказываютъ нѣкоторыя мысли предположительно и не рѣшительно. Въ первомъ случаѣ употребляютъ выраженія: «мы вѣруемъ», «исповѣдуемъ», «мы научены», или: «Апостолы предали, цер-

ковъ соблюдасть,» и тому подобныя. Само собою очевидно, что такія выраженія какъ пельзя болѣе способствуютъ къ отличенію вѣрованія всей церкви отъ личныхъ отеческихъ мнѣній и предположеній. Въ послѣднемъ случаѣ употребляются чаще всего такія выраженія: «мнѣ кажется, думаю, полагаю», и другія въ этомъ родѣ. Такъ напр. не рѣшительно высказывается ученіе объ окончаніи будущихъ мученій въ нѣкоторыхъ твореніяхъ св. Григорія Нисскаго. Такимъ же точно образомъ св. Іустинъ Философъ высказываетъ свое мнѣніе о хиліазмѣ и прямо замѣчаетъ при семъ, что нѣкоторые изъ православныхъ не разделяютъ его образа мыслей. Вообще, для вѣрнаго сужденія о подобныхъ частныхъ мнѣніяхъ должно помнить еще то, что сихъ мнѣній держались нѣкоторые отцы только дотола, докола вопросъ не подвергался соборному изслѣдованію; послѣ же соборнаго рѣшенія, все соглашалось съ церковнымъ вѣроопредѣленіемъ. Это особенно ясно подтверждаетъ исторія хиліазмовъ: правда, ихъ мнѣнія разделяли св. Іустинъ, св. Иринеи, св. Ипполитъ и Меѳодій, но за то, еще до втораго вселенскаго собора, отвергали хиліазмъ: св. Діонисій александрійскій, св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Епифаній, блаж. Іеронимъ, послѣ же втораго вселенскаго собора рѣшительно никто изъ отцевъ не допускалъ тысяцельства царства. Тоже согласіе необходимо признать между св. отцами и въ рѣшеніи вопроса о крещеніи еретиковъ. Только до вселенскихъ соборовъ были разногласія объ этомъ, но послѣ II-го вселенскаго собора уже все пастыри церкви единодушно держались постановленій сего собора по этому предмету.

Не основательно также отказываться отъ признанія авторитета отеческаго на томъ основаніи, что много писаній св. отцевъ, особенно первыхъ трехъ вѣковъ, утрачено, а въ нѣкоторыхъ усматриваются измѣненія и поврежденія текста; или потому, что будто бы нѣтъ возможности доказать подлинность всѣхъ тѣхъ твореній, которыя теперь усвоятся св. отцамъ церкви. Соглашаемся, что много твореній отеческихъ не дошло до насъ. Но Промысль, допустившій ихъ утрату, конечно, сохранилъ тѣ изъ нихъ, которыя особенно могли служить къ утвержденію истинной вѣры и благочестія. Вставки же, измѣненія и поврежденія текста могутъ быть исправлены критикою, и притомъ всѣ сии поврежденія не такого рода, чтобы могли исказить истинный смыслъ всѣхъ отеческихъ писаній. Кромѣ сего, этой участи не избѣгло и св. Писаніе, между тѣмъ авторитетъ его безспорно признаютъ, при всемъ различіи чтеній нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія въ различныхъ епископахъ. Подобно сему и замѣченныя поврежденія нѣсколькихъ мѣстъ въ отеческихъ твореніяхъ не могутъ служить основаніемъ къ отрицанію авторитета св. отцевъ... Что же касается до опасенія признать подлинными отеческими сочиненіями подложныя, то и это опасеніе слишкомъ легкомысленно. Историческая критика обладаетъ надежными средствами къ отличенію подлинныхъ сочиненій отъ подложныхъ. Старое мнѣніе Іоанна Гардуина, будто всѣ отеческія творенія вымыслены латинскими монахами въ XIII и XIV вѣкахъ, конечно, такая вѣрность, на которую всегда можно указывать, какъ на примѣръ дерзости, до которой можетъ доходить вичѣмъ не обуздываемое желаніе казаться оригиналь-

нымъ. Нельзя отрицать только того, что прежде изъ подложныхъ творений дѣйствительно приводили иногда свидетельства, какъ изъ подлинныхъ отеческихъ. Но и этого никакъ нельзя считать достаточною причиною къ тому, чтобы отказывать въ уваженіи несомнѣннымъ подлиннымъ твореніямъ св. отцевъ. Церковь слѣдуетъ не одному или двумъ отцамъ, но общему ихъ ученію. Притомъ ложное имя автора, по мнѣнію самихъ протестантовъ, не можетъ отнять истиннаго достоинства у сочиненія, когда въ немъ раскрывается правое ученіе, одобренное церковію. Протестантскіе богословы утверждаютъ напримѣръ, что символъ, извѣстный подъ именемъ св. Аѳанасія александрійскаго, не справедливо носитъ имя сего отца, между тѣмъ они же сами почитаютъ его «правломъ вѣры.» Тоже самое можно сказать и о сочиненіяхъ св. Діоннісія Ареопагита. Если онъ единогласно одобряется отцами VI, VII и VIII вѣковъ, и VI и VII вселенскими соборами, то авторитетъ ихъ несколько не умаляется отъ того, что ихъ происхожденіе отъ временъ апостольскихъ не такъ ясно. Содержаніе ихъ одобрено церковію; значитъ, онъ могутъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ истины, подобно тому, какъ и символъ св. Аѳанасія.

Всего страннѣе желаніе или стараніе протестантовъ увѣрить свидетельствами самихъ св. отцевъ, будто отцы церкви сами не приписываютъ авторитета ни себѣ, ни другимъ отцамъ. Такъ протестантскіе полемики приводятъ въ подтвержденіе этой мысли слова блаженнаго Августина изъ книгъ противъ манихея Фавста и противъ донатистовъ. Въ первомъ случаѣ говорится, что въ книгахъ всякаго церковнаго писа-

теля можетъ встрѣтиться нечто несообразное съ сокровеннѣйшею и труднѣйшею для уразумѣнія истинною и нуждающеюся въ исправленіи отъ потомковъ. А во 2-й книгѣ о крещеніи противъ донатистовъ, упомянувъ о томъ, что не должно ссылаться на св. Кипріяна въ ученіи о повтореніи крещенія, блаженный Августинъ прибавляетъ, что писанія одного епископа могутъ быть исправляемы писаніями другаго болѣе опытнаго въ извѣстномъ предметѣ и соборамъ епископовъ. Указываютъ также на «пересмотръ сочиненій» (Retractationes) Августина, на то, что онъ самъ, подъ конецъ своей жизни, исправлялъ ихъ. Дѣйствительно, можно встрѣчать и у другихъ отцовъ такія мѣста, гдѣ они очень уничтожительно говорятъ о собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Такъ напр. св. Афанасій, посылая обличительное слово противъ аріанъ египетскимъ инокамъ, писалъ о семъ сочиненіи: «простите мнѣ, человѣку немощному: сколько разъ я поуждалъ себя помысливъ о Божествѣ Слова, столько вѣдѣніе удалялось отъ меня. Не могъ я написать, что, казалось, и было на мысли; но и что написалъ, вышло слабѣе бывшаго въ умѣ, хотя краткаго очертанія истины.» Посылая тоже сочиненіе тмуцкому епископу Серапіону, святитель даже запрещалъ списывать это сочиненіе и говорилъ: «небезопасно издавать свои писанія невѣждѣ, особенно о догматахъ высочайшихъ и главнѣйшихъ, дабы по немощи или по неясности недостаточно сказанное не обратилось во вредъ читающимъ.» Невѣждою Афанасій называетъ самъ себя. Но читавшіе отеческія писанія знаютъ, что это обычный языкъ отческаго смиренія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отцы вынуждались писать о высочай-

иныхъ тайнахъ религiи. Что же касается до retractationes Августина и подобныхъ сочиненiй, то, не касаясь въ частности авторитета блаженнаго Августина, не всею церковiю признаваемаго за св. отца, считаемъ достаточнымъ указать на то, съ какою рѣшительностию и твердостью говорятъ тѣ же отцы, когда передаютъ не ими самими придуманныя доказательства, не свой образъ мысли о томъ или другомъ предметѣ, впрочемъ сообразный съ ѿв. Писанiемъ, а ученiе церковное, принятое ими отъ своихъ предшественниковъ. Не легко отыскать другаго отца, столь глубоко проникнутаго чувствомъ смиренiя и сознаниемъ своего недостоинства, какъ Ефремъ Сиринъ; но онъ въ своемъ завѣщанiи съ твердымъ убѣжденiемъ говоритъ о проповѣданномъ имъ ученiи слѣдующее: «я оставляю вамъ знамя, ставлю предъ вами зеркало и въ немъ изображенiе, чтобы вы непрестанно взирали на него. Предъ вами, какъ предъ единодушными братiями, подтверждаю, что вѣра моя есть здравая, даже клятвенно удостоверяю въ ея непоколебимости. Ибо желаю, чтобы тверда была мысль ваша о неварушимой и единоначальственной вѣрѣ у вѣрныхъ. Если я возвеличивалъ въ умѣ своемъ Отца паче Сына, то да не помилуетъ Онъ меня. Если умалялъ я Духа Святаго предъ Богомъ, то да покроются тмою очи мои. Если исповѣдывалъ я иначе, нежели какъ говорилъ, то да вверженъ буду во тму кромешную. Если говорю это изъ челоуѣкоугодiя, то да не послушаетъ меня Господь на судъ.» Съ такою увѣренностию говорятъ объ истинѣ отцами преданнаго церковнаго ученiя и другiе позднѣйшiе отцы. Такъ Мартинъ, первый сего имени папа римскiй, жившiй въ VII вѣкѣ, сказалъ:

«хотя бы Ангель съ неба благовѣстилъ вамъ вопреки тому, что приняли мы отъ Апостоловъ и одобренныхъ церковію отцевъ и отъ вселенскаго собора, анаѳема да будетъ.» Самъ Мартинъ и его шесма также удостоились одобренія отъ VI вселенскаго собора. Итакъ не отрицаемъ, что тотъ или другой отецъ, по чувству глубокаго смиренія, называетъ свой трудъ незначительнымъ и несоответствующимъ высотъ предмета, избраннаго для размышленія; но когда церковію, и особенно на вселенскихъ соборахъ; это же самое твореніе удостоивается одобренія и подтвержденія, то необходимо покориться суду церкви. Тому, кто соглашается съ церковію, когда она произноситъ осужденіе на кого нибудь изъ неправомыслящихъ, нельзя не соглашаться съ нею и тогда, когда она признаетъ кого либо надежнымъ руководителемъ и учителемъ въ дѣлѣ религіознаго знанія и вѣрованія.

Послѣ сего, для полноты изслѣдованія объ авторитетѣ святыхъ отцевъ, необходимо еще указать основанія къ сужденію о сравнительномъ достоинствѣ св. отцевъ между собою. Больше общія и неоспоримыя начала для сужденія о сравнительномъ достоинствѣ и преимуществѣ писаній одного отца предъ твореніями другаго могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Если близость къ Апостоламъ можетъ ручаться за болѣе точное и вѣрное сохраненіе апостольскаго преданія, то самое высшее мѣсто по важности, безъ сомнѣнія, принадлежитъ мужамъ апостольскимъ. Ученіе о воплощеніи Сына Божія, объ искупленіи, о таинствѣ евхаристіи и церковной іерархіи выражено въ ихъ посланіяхъ съ такою ясностію, что противники

нѣкоторыхъ изъ этихъ догматовъ скорѣе хотять сомнѣваться въ подлинности сихъ посланій, чѣмъ утверждать, что ничего определеннаго не говорится здѣсь объ этихъ предметахъ. Есть впрочемъ и такое мнѣніе, будто въ писаніяхъ мужей апостольскихъ повторяются только библейскія выраженія, которыхъ смыслъ еще требуетъ изъясненія. Но это несправедливо, и у св. отцевъ I-го вѣка тексты св. Писанія приводятся не безъ краткихъ точныхъ парафразовъ, да и самое обиліе текстовъ рѣчи служитъ дорогимъ памятникомъ того уваженія къ библіи, которымъ, конечно, не могутъ похвалиться наши времена. Кроме сего въ определеніи подлинности апостольскихъ писаній голосъ мужей апостольскихъ долженъ быть сильнѣе всѣхъ. Въ слѣдъ за ними,

2) тѣ отцы безспорно обладаютъ большимъ авторитетомъ, которые въ свое время много превосходили другихъ своею святостію и образованностію, и которые пользовались въ церкви величайшимъ уваженіемъ и славою. «Нельзя представить себѣ, говоритъ блаженный Августинъ, чтобы кто нибудь заслужилъ и пріобрѣлъ въ церкви особенную славу тѣмъ, что училъ иначе, нежели какъ учитъ церковь. Св. отцы были знакомы или переписывались съ весьма многими современными имъ православными епископами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ Афанасій, имѣли случай путешествовать по всему христіанскому міру и, во время своихъ продолжительныхъ путешествій, многія собрали свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ апостольскихъ церквахъ, и слѣдовательно въ точности могли знать то ученіе, которое неизмѣнно соблюдалось въ церкви вселенской, какъ единое истинное апостольское преданіе. На этомъ

основаніи писанія напр. Зенона Веронскаго, или Ме-
 еодія Патарскаго, или Анастасія Синапта, при взаим-
 номъ сравненіи, конечно, должны много уступить тво-
 реніямъ тѣхъ учителей церкви, которымъ церковь
 усвоила наименованіе великихъ, и даже вселенскихъ
 учителей. Василій Великій напр. въ одномъ изъ своихъ
 писемъ самъ хвалится тѣмъ, что онъ получалъ общи-
 тельныя письма отъ епископовъ сицилійскихъ, ли-
 каонскихъ, паврійскихъ, фригійскихъ, армянскихъ,
 македонскихъ, ахайскихъ, пеллрійскихъ, галльскихъ,
 пенанскихъ, италійскихъ, сицилійскихъ, африканскихъ
 и сирскихъ. Можно ли же послѣ сего думать, что
 бы такой архипастырь могъ отступитъ отъ чистоты
 церковнаго ученія? Недовѣріе къ авторитету его было
 бы крайне неосновательно. На этомъ же основаніи ве-
 личайшій авторитетъ принадлежитъ всемъ отцамъ,
 которые были какъ бы путеказателями и вождями въ
 защищеніи извѣстныхъ догматовъ церкви, и которые
 употребляли все свои силы для противодействія по-
 явившимся вновь еретикамъ. Это были истинно орудія
 промысла Божія, свѣтозарѣшніе свѣтильники церкви,
 которыхъ видимо Господь приготовлялъ для пораженія
 коварныхъ и лжемудрыхъ еретиковъ. Онъ не только воз-
 жигалъ въ нихъ пламенную ревность по вѣрѣ святой, но
 и одарялъ ихъ особенною быстротою ума и открывалъ
 имъ возможность получить блестящее, высшее и все-
 стороннее по тому времени образованію. А чрезъ сіе
 и у позднѣйшихъ враговъ вѣры отнять всякой предлогъ
 унижать такихъ защитниковъ истины, какъ бы людей
 суевѣрныхъ и фанатиковъ, въ чемъ не рѣдко упре-
 каютъ древнихъ ревнителей св. вѣры, особенно пу-
 стынниковъ и аскетовъ, не получившихъ научнаго обра-
 зованія, упрекаютъ, забывая слова св. Иринея: «бла-

гочестивый простой человекъ почтеннѣе порочнаго и безстыднаго софиста». Такимъ образомъ, еслибы кто вздумалъ напр. при разсужденіи о грѣхъ прирожденномъ болѣе ссылаться на Исидора Пелусіота, чѣмъ на блаженнаго Августина, или при вопросѣ объ иконопочитаніи сталъ болѣе ссылаться на св. Елифанія или Аѳанасія, чѣмъ на св. Іоанна Дамаскіна и св. Никифора патріарха; то безъ сомнѣнія поступилъ бы несправедливо. Тотъ изъ св. отцевъ, кто случайно, или мимоходомъ касался извѣстнаго ученія, естественно не могъ такъ полно и обстоятельно изложить его, какъ тотъ, кто посвящалъ наибольшую часть жизни заступъ сего ученія, отвергаемаго еретиками.

3) Великую важность, преимущественное значеніе должно приписать также тѣмъ отеческимъ твореніямъ, которыя болѣе другихъ были восхваляемы соборами и позднѣйшими отцами церкви. Поэтому при обзорѣ отеческихъ сочиненій необходимо приводить отзывы о нихъ древнихъ и современныхъ писателей, какъ свидѣтельство уваженія къ нимъ древней церкви. Такъ напр. книга Василія Великаго «о св. Духѣ» была одобрена на иконійскомъ соборѣ, «книга о вѣрѣ къ армянамъ» Св. Прокла константинопольскаго одобрена Іоанномъ антїохійскимъ и прочими восточными епископами, а сочиненія Григорія Паламы разсмотрѣны были на нѣсколькихъ соборахъ въ Константинополѣ. Сюда же могутъ быть отнесены писанія Діонисія Ареопагита, восхваляемыя церковными писателями въ службѣ св. Діонисію. Изъ похвальныхъ отзывовъ о сочиненіяхъ Діонисія Ареопагита необходимо слѣдуетъ заключеніе, что свидѣтельства, приводимыя изъ сихъ твореній, должны безспорно имѣть большую цѣну, чѣмъ свидѣтельства изъ такихъ отеческихъ писаній, ко-

торыя вовсе неподвергались разсмотрѣнію ни на какомъ соборѣ, а заслужили уваженіе только отъ иноковъ, не столько зашмаванныхъ догматическими вопросами, сколько искавшихъ нравственнаго назиданія и духовныхъ совѣтовъ для подвижнической жизни, или отъ такихъ лицъ, которые писали еще въ состояніи оглашенія до крещенія, каково напр. похвальное слово Оригену Григорія чудотворца. Равно не могутъ стоять на ряду съ писаніями общепочитаемыхъ отцевъ сочиненія такихъ учителей церкви, которые, хотя и удостоены наименованія блаженныхъ, но которые недовольно тверды были въ православіи и нѣсколько времени защищали еретиковъ. Не говоримъ уже о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя писаны ими въ спорѣ съ защитниками православія.

Наконецъ 4) высшую и равную съ твореніями мужей апостольскихъ важность должно приписать еще тѣмъ сочиненіямъ, кои удостоены одобренія отъ вселенскихъ соборовъ. Несомнѣнность и достовѣрность содержащагося въ нихъ ученія тѣмъ неоспоримѣе, чѣмъ яснѣе о нихъ отзывы вселенскихъ соборовъ. Въ примѣръ этого рода могутъ быть представлены три посланія св. Кирилла александрійскаго и посланіе св. Льва папы римскаго къ Флавіану, читанныя на соборахъ ефесскомъ и халкидонскомъ и признанныя правиломъ вѣры. На одной съ ними ступени не могутъ стоять писанія, уважаемая только за святость ихъ писателей, но не заслужившія одобренія отъ древнихъ св. мужей, особенно если они не только не заключаютъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ глубокаго изслѣдованія предмета, но еще писаны на скоро и по случайнымъ, не важнымъ обстоятельствамъ.

Архим. Порфирій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru